

Богослов

Вячеслав
Заренков

16+

Игорь Вебер

Созидатель. Вячеслав Заренков

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вебер И.

Созидатель. Вячеслав Заренков / И. Вебер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это очень необычная история движения. Из маленькой белорусской деревушки до Ленинграда. Из рабочего общежития до списка «Forbes». Герой книги, Вячеслав Заренков, стал основателем холдинга «Эталон», который является одной из самых крупных корпораций в сфере девелопмента и строительства в России. Глобальные депозитарные расписки ГК «Эталон» торгуются на основном рынке Лондонской фондовой биржи. Почетный меценат Санкт-Петербурга Вячеслав Заренков пишет книги, картины и либретто к балетным постановкам, строит храмы в России и за рубежом. Его фонд «Созидающий мир» поднимает такие пласты и открывает такие горизонты, что... Что неужели вам, читатель, не интересно было бы самому пообщаться с таким человеком? «Пройти за спиной» героя, прожить вместе с Заренковым непростой период нашей истории и, возможно, найти то, что давно и безуспешно искали – искреннее, доброе, человеческое.

© Вебер И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Орша	8
Витебск	9
Невель	10
Новосокольники	12
Локня	14
Ленинград	15
Галина	17
Бригадир	18
Рациональное мышление	19
Восемнадцать	20
Выходи за меня!	21
Свадьба	23
Общежитие	24
Лаборатория	25
Сын. Дима	26
Из бригадиров в мастера	27
Ночные бдения	28
Ноев ковчег	29
Ключ на веревочке	31
Черная суббота	32
Обман	33
На новом уровне	35
Тюремные кадры	36
Натура номенклатуры	38
Гараж	40
Публикация	41
Меры приняты	43
Мысли вслух	44
Простой безработный	45
Сто лет назад	46
Часть вторая	47
Надо встретиться	48
В своей стихии	49
Соломинка, держи	51
Чтобы выжить	52
Красивое имя	53
Лоб в лоб	54
Время, вперед!	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Вебер

Созидатель. Вячеслав Заренков

От автора

В биографической книге «Созидатель» исследуется феномен многогранности и успеха Вячеслава Заренкова, основателя и председателя Совета директоров группы компаний «Эталон» (до февраля 2019 года).

Материал для исследования более чем обширный: Вячеслав Заренков является доктором экономических наук, профессором, заслуженным строителем Российской Федерации. Он автор 189 запатентованных изобретений и свыше 30 строительно-инвестиционных проектов, 10 книг и более 100 научных статей.

Герой этой книги награжден почетным знаком «Строитель Санкт-Петербурга», лауреат общественной премии «Небесная линия» и Царскосельской художественной премии, «Почетный меценат» Санкт-Петербурга с удостоверением № 1.

Указом президента России Вячеславу Адамовичу вручен Орден Почета. Также он имеет ордена Русской Православной Церкви.

Долгие годы Вячеслав Заренков ведет обширную благотворительную деятельность, восстанавливает и строит монастыри и храмы в России и за рубежом, создает памятники, учреждает премии для художников, поэтов, писателей, снимает фильмы, пишет картины, художественные книги и либретто для балетных постановок.

Группа «Эталон», основанная Заренковым в 1987 году, стала одной из крупнейших корпораций в сфере девелопмента и строительства в России. Она специализируется на строительстве жилой недвижимости в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге.

За тридцать лет успешной работы под руководством Вячеслава Заренкова компания ввела в эксплуатацию более 8 миллионов квадратных метров недвижимости. В домах, построенных ею, живет примерно 318 тысяч человек. Это как население Кембриджа и Оксфорда вместе взятых! Коллектив группы «Эталон» насчитывает более 5 тысяч сотрудников, а всего на ее стройках работает более 16 тысяч человек.

Начиная с 20 апреля 2011 года глобальные депозитарные расписки Группы «Эталон» торгуются на основном рынке Лондонской фондовой биржи.

В феврале 2019 года Вячеслав Заренков вышел из бизнеса и покинул компанию, передав управление более молодым и активным менеджерам.

С этого момента перед меценатом и основателем социально-культурного международного проекта «Созидающий мир» открылись новые горизонты работы.

В книге, основанной на многочисленных интервью с самим Вячеславом Заренковым, его родственниками и сотрудниками, рассказывается о стремительном становлении личности Героя и его Дела. Динамично и просто повествуется об этапах пути Заренкова, трудностях, которые ему приходилось преодолевать, и, что особенно интересно, о созидающем стиле мышления и православной философии человека.

Ему удалось взять эталонную высоту. Чтобы с этой высоты для людей сделать как можно больше.

Книга будет интересна всем, кто ищет свой путь в бизнесе. Для многих она может стать своеобразным учебным пособием. Вячеслав Заренков щедро делится методологией строительства и ведения бизнеса в современных условиях, дает ключ к решению текущих проблем и формулу для выхода из кризисных ситуаций.

«Созидатель» предлагает уникальную возможность «пройти за спиной» героя по его непростым дорогам, на несколько дней стать очевидцем его неудач и побед, прожить вместе с ним непростой и интересный период нашей истории. Возможно, вы найдете в этой книге то, что давно и безуспешно искали – искреннее, доброе, человеческое. И уж точно, вам не придется скучать.

– Игорь, а чем же он, собственно, удивил лично вас? – спросит меня скептически настроенный потенциальный читатель.

– Помимо всего прочего (о чем кратко сказано выше) Вячеслав Адамович удивил меня тональностью сердца. Что бы ни происходило в моем писательском дне, какие бы проблемы и встречи его не наполняли, всякий раз главным событием дня становилось интервью с Заренковым. У каждого нашего разговора было интересное, всегда одинаковое «послевкусие»: в душе воцарялись покой, ясность, свет. Так бывает после исповеди в храме. Но я не исповедовался – я задавал вопросы, движимый живым исследовательским интересом:

КАК
ВСЕ ЭТО
СТАЛО ВОЗМОЖНО
В СУДЬБЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА?

*С уважением ко всем вам, Игорь Вебер.
03.10.2020 года*

Часть первая

Старт

1967–1987 гг

Семнадцатилетний парень из белорусской деревни Ходулы «случайно» приезжает в Ленинград. Здесь он устраивается на стройку арматурищиком, поступает в институт, женится и заселяется с семьей в общежитие. Молодой человек стремительно проходит все этапы профессионального роста – от бригадира спецбригады до начальника строительного управления. Но после некоторых злоключений весной 1987 года, в самый разгар «перестройки», становится простым безработным.

– А с чего бы вы сами начали эту книгу?

– Наверное, с того момента, когда я вышел из родительского дома и отправился на железнодорожный вокзал, чтобы сесть на поезд, который повезет меня... Я тогда еще сам не знал, куда.

Идеальное начало для любой повести. Человек на пороге своего выбора. Такое было в жизни у каждого. Когда остаешься один на один сам с собой и надо сделать тот самый шаг, первый.

Орша

На заре он оделся во все лучшее сразу. Шляпу на голову, плащ на плечи, ботинки начищены, чемодан в руки. Фотоаппарат «ФЭД-3» на плече, без него никуда. И тридцать рублей в кармане.

Тронул калитку и ступил за порог.

Там осталась стоять мама, там – все его небогатое прошлое, в Ходулах.

От скромной белорусской деревеньки до Орши восемнадцать километров езды на автобусе да еще пять – до автобусной остановки в соседней деревне.

Потом Слава долго стоял на железнодорожном вокзале, не зная, куда ему ехать. Наконец решил: «Какой поезд первый придет, не важно, в каком направлении, на него и покупаю билеты!» В Москву или в Минск... куда угодно!

Он кинул взгляд на скамейку. Кто-то оставил книгу. Взял в руки – Достоевский Федор Михайлович. Прочитал пару страниц и взглядом выхватил фразу: «Петербург – город красивый, но строгий. Пощады от него не жди – работа, работа, работа...»

Первым пришел поезд на Ленинград. Значит – туда! Только вот билеты купить не успел. – Девушка, может, возьмете? Я оплачу...

Молодая проводница кивнула с улыбкой, и парень запрыгнул в вагон.

«Зачем я делаю это? Куда еду? К чему я стремлюсь?» – размышлял человек.

Конечно, его впечатлило совпадение. И книга с цитатой о Петербурге, и поезд на Ленинград. Значит, все не случайно?

«Я знаю, чего я хочу, – вдруг подумалось Славе. – Достичь большого, чтобы с высоты этого большого делать добро для людей».

И сам себе улыбнулся.

«Ну, чего такого большого могу я достичь? В институт не поступил, какие у меня достижения?»

Поезд тронулся. Через час двадцать будет первая остановка, Витебск.

Витебск

Почему-то вспомнилась школа. 1 сентября 1957 года, его первый класс. Тогда он устроил серьезную сцену, чего мама никак не ждала. Все мальчишки, друзья по уличным играм, собрались идти на занятия, и он, шестилетний, вдруг затвердил: «Я тоже хочу!» Требует – и что с ним поделаешь? Мама забрала у сына ботинки, чтобы дома сидел.

– Ты должен присматривать за младшей сестрой! – настойчиво сказала София Петровна.

Валюша родилась 10 марта 1954 года и была младше Славы на три года и восемнадцать дней. Она и так постоянно при нем как привязанная, везде брат водил ее за руку. Всегда и везде.

Но не сегодня!

Он все-таки убежал, вопреки уговорам. Без ботинок, босиком преследовал первоклашек, которые были старше на полгода, на год. Через лес, через поле, налегке и вприпрыжку. Мальчишки отгоняли его от себя, а он не отставал ни в какую. Все два километра, до самого хутора Болотовичи, где была начальная школа.

Славик робко вошел в класс. Ребят много, человек двадцать пять. С трех окрестных деревень первачки собрались. Есть и знакомые. Саша Дмитриевич, Слава Соломенников – его друзья.

Классный руководитель Николай Григорьевич сказал: «Раз пришел, то садись на заднюю парту и сиди, сколько выдержишь!»

Он был уверен, что уже завтра мальчик успокоится и продолжит свои детские игры. Но Слава не отступил. Что-то там, в этой школе, его зацепило. В итоге мать отдала младшему сыну ботинки старшего брата, чтобы не сидел на уроках босой. А как схолодало, пошла бурка из ватного одеяла. Сверху бурок надеваешь галоши, и тогда грязь не страшна. У мальчишек эта обувь почему-то считалась позорной, не то что валенки. Но валенок на всех не хватало.

В школе выдали букварь и тетради. Все, никаких больше трат. Дерзай, бери знания пригоршнями. Разве что перьевая ручка нужна еще и банка с чернилами.

В начальной школе не было отопления. Деревянное одноэтажное здание грелось печками. И кто лучше учился, того отправляли на лошадке в лес за дровами. Целый день в лесу рубили, пилили, по два воза дров успевали привозить дотемна. Слава учился хорошо, поэтому в лес ездил часто.

– Чего тебе здесь сидеть? Ты и так все знаешь, езжай! – напутствовал классный руководитель.

Однажды валенок у Славы порвался прямо в лесу, пальцы наружу торчат, на снегу следы остаются. Ему лет семь или восемь, он в лесу, с топором, на морозе, еще и босой! А воз дров набрать все равно надо. И он набрал.

«Ну разве это не достижение?» – улыбнувшись сам себе, подумал Вячеслав, глядя в окно топопсового поезда, нехотя сбавляющего ход перед остановкой.

«Станция Витебск», – объявил металлический голос на многолюдном перроне. Следующая станция Невель.

Невель

А еще у них в начальной школе не было водопровода. Сами воду носили. Не было столовой – ели на перемене, кто что принес. Сало и соленые огурцы, хлеб и яйца. Учились делиться, не жадничать. Даже валенки не у каждого были. Слава, заметив, что его товарищ ходит по морозу в дырявых ботинках, объявил клич: одноклассники принесли свои сбережения, кто сколько смог, и валенки другу купили...

Во втором классе за успехи в учебе Заренкову подарили ценный подарок – книгу «Старик Хоттабыч». Книги были в цене. Они давали основу для жизни: добро должно побеждать.

И даже не абстрактное «добро», а конкретные мечты и желания, если они хорошие, – сбываются. Как у Хоттабыча, которого Слава прочитал несколько раз.

Своя мечта у него тоже была. В журнале «Юный техник» Слава прочитал статью о том, как можно самому сделать фотоаппарат. Пусть простой, но настоящий – можно снимать. Корпус из картона, затвор из металлической пластины, спусковой механизм из пружин и шестеренок от старого будильника. Только бы линзы где-то добыть!

Наверное, линзы стали его первой сознательной целью. Он любил кино, не пропускал ни одного фильма, которые раз в неделю крутили в местном Доме культуры. «Чапаева», например, смотрел несколько раз.

И смириться не мог с тем, что его любимый герой, легендарный начдив, погибает. «Вот вырасту и сделаю фильм, в котором Василий Чапаев переплывает реку и вскакивает на боевого коня», – решил Слава. Он мечтал стать режиссером. А режиссер должен уметь сам снимать, думал он. Для этого ему необходим фотоаппарат и фотоувеличитель. Но о покупке речи не было – не было денег. И как раздобыть эти линзы?

Он разыскал их в Орше, в магазине «Тысяча мелочей». Комплект стоил 5 рублей 40 копеек. Где их взять, эти деньги? Просить у родителей не привык – каждый должен зарабатывать сам. Он стал экономить. Мама давала каждый день 8 копеек на обед в школе – это была уже школа на хуторе Лисуны, в четырех километрах от дома. А еще на кино 5 копеек в неделю. Кино пропустить невозможно, это его будущая специальность. А на обедах экономить – вполне.

Через три месяца необходимая сумма была собрана. Линзы куплены. И мальчишка сделал своими руками первый фотоаппарат. Снимки получались не очень четкие, но Слава был рад своему достижению: все получилось!

Чуть позже он купил настоящую «Смену». За свои деньги, заработанные.

Уже со второго класса мальчишка получал трудодни в колхозе. Водил коня в борозде, пока кто-то из взрослых упирался плугом в гряды. Перевозил сено на лошади, восседая верхом на свежескошенных травах в телеге. Полосил свекольное поле. Чистил от сорняков огуречные и кукурузные плантации. За каждый вид работы ставили «палочку». Например, сделал за день три рейса с сеном, торфом или навозом – получи на свой счет два или три трудодня. И общий результат работы совхоза «Ударник» распределялся на эти самые «палочки». В итоге по итогам работы за день Слава мог получить 100 граммов пшеницы, 100 граммов сахара, 200 граммов мяса и 10 копеек деньгами.

Эта система казалась ему математически выверенной, реально мотивирующей и справедливой.

Из всего перечня колхозных работ Заренкову не нравилось только одно – пасти свиней, которые вылетали из фермы, дико вопя и толкаясь. Грязные, неуправляемые, обдавали жидким навозом...

Вот лошади – это совершенно другое. Поход в ночное – тут тебе и романтика, и развлечение. Сел верхом, выгнал табун в луга, а потом каждую кобылу надо стреножить, чтоб не

ушли далеко. Благо, лошади смирные, не ударят копытом. Как-то такой густой туман разлился по оврагу, что не видно стало ни зги. Слава подошел к кобыле, склонился – глядь, а это не кобыла, а лось.

– А ты что здесь забыл? Ну-ка, пошел!

Ну разве не чудо?!

За каждым деревенским пареньком была закреплена своя колхозная лошадь. Мужики поругивали: «Поменьше катайтесь, а то поубиваетесь!» Но пацаны любили носиться верхом, даже без стремени, без седла. Бывало, что скакун как разгонится, а потом вдруг как затормозит! И летишь мешком, кожа да кости, через мощную шею, почти с двухметровой высоты – ох и больно!

Те же мужики, вчерашние фронтовики, учили мальчишек правильно снаряжать лошадь упряжью, готовить телегу. Едешь на скрипучей, не смазанной, – берегись, за такое могут дать и по шее.

– Вдвоем подняли телегу! Ну-ка, осилите? Так, один держи на весу, второй колесо снимай – не робей, сильнее тащи! Дегтем мажь, чтобы не скрипела! Дегтем! А ты ему, малец, помогай!

Настоящая взрослая жизнь. Вот ее Слава и фотографировал настоящим фотоаппаратом. Друзей, лошадей, мужиков и соседей. Получалось все лучше и лучше. В старших классах парня начали приглашать на свадьбы фотографом. И здесь он всех удивлял своим мастерством и расторопностью. Пока свадьба пела-гуляла, он в соседней избе и пленку проявит, и снимки сделает, высушит. И к столу – смотрите, готово!

«Невель! – объявила проводница, проходя по вагону. – Кому горячего чая?»

Новосокольники

«Еще одна остановка на пути в будущее, – подумал Вячеслав, бросив взгляд на новенький «ФЭД». – Что там у меня будет в кадре? Какие снимки появятся?»

Еще недавно важным событием жизни были первые яблоки, самые сладкие. «Ранние косточки» – так назывался у них этот сорт. На краю деревни жил мужик Алхим, однособник. Тот, кто в колхоз идти отказался. Две войны прошел человек, а за колхоз его недолюбливали. Председатель Алхиму лошадей не давал, ставил палки в колеса. Раз обособился, мол, то живи сам по себе.

Дед держал стадо коз и большой сад, в котором поспевали «ранние косточки». На этот сад они и совершали набеги. Соберутся ватагой, человек шесть-семь, и к старику, почистить его урожай.

А потом попевала антоновка, и к закату катилось еще одно детское лето. Начало учебного года становилось очередной вехой взросления.

Парень вытягивался ростом, голос ломался, оформлялся характер. В учебе он был «номер один». Самым первым.

Знания давались ему, как воздух, легко. Из школы пришел, забросил портфель, матери по хозяйству помог. И сразу на футбольное поле. Районная команда «Ветерок» у них была сильная. Со всех деревень округи туда собирали лучших. Ребята участвовали в соревнованиях, часто выигрывали. Даже в Минске на первенстве области заняли третье место. Слава был полузащитником, футболка с номером «семь». Он и голы забивал, переходя из защиты в наступление.

Снова осень, другая и третья – теперь уже средняя школа в деревне Зубревичи, третья по счету. Она еще дальше от дома. Начальная в Болотовичах – два километра пути. Семилетка в Лисунах – четыре. А средняя в Зубревичах, – шесть.

И в средней школе за учебниками Слава спину не гнул. Утром встанет пораньше, пока до школы дойдет – уже пять минут до звонка остается. Вот этих пяти минут ему и хватало, чтобы решить пять задач. Он решает, а над ним нависает толпа, все готовое переписывают.

Но бывало, что приходил за минуту, и тут классу становилось понятно, что надо как-то спастись. Как вариант – забить буки учителю.

– Вера Борисовна, что-то с задачей не так, – выступал самый смелый. – Может, вы условие нам не правильно продиктовали?

Вера Борисовна смотрела на Славу глазами печальными, полными недоумения и разбитых надежд.

– Ну как же так, Слава? Ты ведь мог решить ее, мог!

В школе Заренкова все звали то Славой, то Соломкой. Из-за волос цвета выгоревшей на солнце соломы. Точно так же, Соломкой, называли его друга, Славу Соломенникова.

– Глянь-ка, куда это Соломки бегут?

Побежали домой. Жили они по соседству.

С восьмого по десятый класс сельских ребят обучали вождению трактора. По окончании выдавалось удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля. Это удостоверение как лучшая рекомендация для работы в колхозе.

– Научитесь, всему сразу научитесь, когда пойдете в колхоз, – важно рассуждал педагог-тракторист, обещая им мрачную перспективу. – Поэтому я, ребята, у вас экзамен принимать не буду. Его примет жизнь! А я просто всем поставлю «четверки». Согласны?

– Ура!

Кто думал тогда о среднем балле своего аттестата?

Больше думали о девчатах. Ждали выходного, чтобы пойти в клуб на танцы или на очередной киносеанс.

Все, танцы кончились.

Локня

В 1967 году Заренков окончил среднюю школу. К выпуску он начал готовиться заранее. Все предыдущее лето трудился в колхозе, заработал приличную сумму. На эти деньги родители купили ему плащ, достаточно модный по тому времени. Пиджак, брюки, ботинки и шляпу. Все парни носили шляпу, и он захотел. Получилось солидно.

Три товарища – два Соломки и Дмитриевич – решили держаться вместе. Они отправились поступать в Могилевский машиностроительный институт.

Абитуриенты поселились в общежитии. И первая же ночь стала для них серьезным экзаменом. Как только ребята легли в койки, на них ополчились клопы. В Ходулах клопов не было, а здесь целые полчища. Да такие голодные, такие жадные до молодой крови! Кусают нещадно. Что только не делала тройца ночью – и матрасы свои перетряхивали, и отодвигали койки от стен на самый центр комнаты. Но насекомые проявляли изобретательность и настойчивость. Они забирались на потолок и пикировали на абитуру сверху. Поспать не удалось.

Помятые и злые они чесались с утра.

– Что это за институт? Как здесь можно учиться?

– Может, и не стоит сюда поступать?

Но шутки шутками, а экзамены сдавать надо. Первый экзамен – сочинение. Вячеслав получил «четверку». Второй – химия. Снова «четыре». Третий – физика. «Три!» Остался последний, его любимая математика. Предмет, который он знал на «отлично».

Заренков спокойно вытащил билет, взглянул на него и обрадовался: так это пустяковые задачки! Сел за парту, только начал писать, и тут сосед справа – помощи! Решил задачу соседу. Сосед слева – помощи! Решил и ему. Взглянул на часы – десять минут до сдачи заданий. Быстро все написал и сдал работу экзаменатору.

И вдруг кольнуло: ошибка!

– Можно я исправлю немного?

– Нет!

До общежития Слава плелся сам не свой: «Ну как же так!» Утром выставили оценки. Ему – «три». Все, баллов Заренков не набрал. Друзья уехали домой, не дожидаясь списков о зачислении. Это потом уже, когда Заренков стал профессором, Могилевский институт приглашал его читать лекции.

А тогда был крах всех мечтаний.

Что дальше? Куда идти? Душа металась, мысли кипели, но выхода не было. Пришлось осень и зиму работать в колхозе...

Однако, сколько станций уже за спиной! За окном пронеслись Сущево, Дедовичи, Дно, Сольце и Батецкая. Поезд заскрипел и напрягся. Мощные мускулы тормозов сдавили колеса, и внутри тоже все сжалось: приехали!

Ленинград

Вячеслав планировал поступить в ПТУ или устроиться на завод, обивал ноги в большом чужом городе, но везде требовалась прописка и паспорт, которого... не было. Жителям деревень в то время его не выдавали, чтобы они не бежали в город.

Старший брат Виктор приютил у себя, здесь можно было пожить какое-то время. Но у брата семья и ребенок, каждый квадратный метр жилой площади на счету, а тут еще он... Надо что-то решать.

– Давай-ка ты лучше к нам на стройку! – посоветовал Виктор.

Когда-то отец брал Славу с собой на стройку в Оршу. Хотел показать, чем занимается, как нелегко его строительный хлеб.

– Смотри, сынок, запоминай. Будешь плохо учиться, придется вот так же месить лопатой раствор...

И вот он стоял перед выбором. С одной стороны, неприятие профессии строителя, которое ассоциировалось с той детской экскурсией. Да ведь и учился он хорошо, в институт поступал. Не поступил по досадной оплошности. А с другой стороны, дороги назад нет. Как выяснилось, только в строительной организации можно получить лимитную прописку и койко-место в общежитии...

Осенью 1968 года 17-летнего Вячеслава Заренкова приняли на работу в Строительное управление 92 (СУ-92) треста 39 на должность арматурщика второго разряда.

Место в общежитии дали.

Он начал работать. Тяжело, очень тяжело было первое время.

По восемь часов тягать железные прутья, тяжелые, упругие, неповоротливые. Промозглый ветер и дождь. Сапоги утопают то в грязи, то в цементе. Перчатки промокают и рвутся. Ладони стираются в кровь. Но Слава подбадривал себя: «Не привыкать!» Да, это чем-то напоминало начальную школу, когда он таскал по снегу, почти босиком, дрова на возок. Да и в колхозе работа не мед.

Не привыкать!

За день Заренков так нарабатывался, что проваливался в сон быстрее, чем голова падала на подушку. До отбоя еще с соседями по общежитию успевал пообщаться, взрослые разговоры послушать – вот, где реальная школа!

В комнате Вячеслав был самым «зеленым». Всем мужикам под тридцать и даже за тридцать, а ему – страшно сказать. Семнадцать! Как огурчик на грядке.

Тут такого наслушаешься – в книгах не прочитаешь!

Пришло время первой зарплаты. На руки выдали сто восемь рублей. Жить можно. Постепенно страх перед стройкой пропал, улетучивался. На смену приходил интерес, азарт, вовлеченность. Молодой арматурщик начал самостоятельно и довольно легко разбираться в сложных чертежах и с удовлетворением ощущал, как тело набирается силы и крепнет. Но главное – он стал думать иначе. Он, рабочий, ставил себя на место своего бригадира и думал как бригадир: что не так? Что бы он изменил? Как бы организовал рабочий процесс? Вячеслав стал испытывать удовлетворение от реальных результатов труда. С вечера планировал себе задачи на завтра. Словом, втянулся.

Но месяца через два так потянуло домой, неотвратимо и ностальгически потянуло, с защемлением сердца. Вспоминалась мама, как она гладила его, златоглавого, по макушке, садясь ночью на край кровати. И отец, который никогда не учил его жизни словами – только примером. И сестра Валя, его верный хвостик...

Многое вспоминалось, но уже в других красках. Как будто ему показывали картинки из давнего прошлого, картинки прекрасные, но уже не понятно – он на них или не он.

С третьей зарплаты Вячеслав купил телевизор и прямым поездом «Ленинград-Орша» повез подарок домой. От Орши до Ходулов на автобусе. И радость встречи, суета, последние новости...

– Это ж у нас теперь второй телевизор в деревне! – с гордостью констатировал Адам Алексеевич, распаковывая черно-белый «Рубин». – Первый у колхозного бригадира Евгения Дмитриевича.

Выходной пролетел, как стрела башенного крана – вжик, и бадья с раствором уже наверху! Вжик, и пора на работу.

Он опять у калитки. И ему, возмужавшему, взрослому, на прощание мама дает три рубля. Почему так трогает этот простой, почти неуловимый жест?

– На вот, сынок, возьми на дорогу.

И сейчас, и через год, и через пять она, прощаясь, давала свой «рублик». А если не брал, то совала в карман. Этот бережно сложенный пополам «троячок» хотелось сохранить подольше или вовсе не тратить. Он тратил, а слова ее в памяти сохранял.

«Сынок, для людей делай так, как хочешь, чтобы они для тебя делали».

Это запомнилось от мамы.

«Не образование главное для человека, главное – это житейская смекалка и мудрость», – это уже от отца.

Все-таки интересно было бы с ними поговорить, узнать поближе родителей, но все не находилось времени для душевных разговоров. В деревне надо работать. Да и в городе тоже.

Ведь пощады от Ленинграда не жди. Все работа, работа...

Галина

Но не только она. В конце осени 1968 года Виктор Соломатин, сосед по комнате, предупредил:

– Слава, к нам в субботу девчата придут. Сестра моя Валя с подружкой. Они с мельничного комбината, живут тут поблизости.

Девчата пришли, Валя и Галя.

Соломатин был интересным мужчиной. В армии отслужил, здорово играл на гитаре и пел. Галина сидела и слушала его открыв рот. Витя ей сразу понравился. Они решили куда-нибудь сходить вместе, компанией.

– Например, на каток!

14 декабря 1968 года Галине Юнисовой исполнилось двадцать. Красивая цифра, возраст, сулящий счастливую будущность. И уже через день-другой они встретились на катке в парке. Брались за руки и катились, катились! Уставшие, заходили в буфет, Витя угощал лимонадом, покупал конфеты, и снова на лед. Вячеслав тоже пришел. Но Галя почти не обращала на него внимания. Хотя чувствовала, – что же это за орган такой, который включается на расстоянии? – как-то чувствовала, не приближаясь к Славику и почти не общаясь с ним, что вот точно, сейчас, этим вечером, на этом катке, он влюбился в нее.

– Точно влюбился! – подтвердила вечером Валя.

Время начало ускоряться. 15 декабря, 20 декабря, 25 – оно набирало темп, приближая Юнисову к Новому году. Что ни день свободный, то Галина с подружкой Валею шла в гости к Виктору. К ним-то в гости никак! В женском общежитии коридорного типа на входе сидел грозный вахтер и каждого строго спрашивал: «К кому? А зачем?» Чужой не пройдет! На Троицком поле общага была квартирному типа. Виктор жил в комнате площадью пятнадцать квадратных метров. Не один, конечно, ребят было трое. А в соседней комнате, десятиметровой, жил Слава с соседом.

Слава заходил в гости выпить чайку и поглазеть на Галину.

Встречать новый, 1969 год, решили здесь же. Наготовили всевозможных закусок, сели за стол, дождались боя курантов, пригубили шампанское. Виктор активно ухаживал за Галиной: стул придвинуть, портвейна подлить, песню сыграть.

– Ну, какую желаете? – и проводил по струнам рукой.

– Хочу «Горы далекие»!

И звучала гитара, и пластинки крутили, и твист танцевали, и был у Заренкова характер, который не позволял пасовать перед трудностями. Галина ему очень нравилась, он не отступал. Слава умело подстроил так, что Галина осталась с ним наедине. И тогда он ее поцеловал.

Ах, если б умел!

Не распухли бы губы от его поцелуев!

Галина ринулась в ванную, чтобы остудить лицо холодной водой, а Слава за ней, и дверь на замочек. Виктор начал стучать кулаком по хрупкой двери. Замок отлетел, он вошел, грозный, злой.

– Значит, так?

Виктор знал себе цену. Он был уверен, что любая девушка за ним побежит, лишь помани. Не Галина, значит, другая. Подумаешь!

– Теперь между нами все кончилось, – строго сказал девушке Соломатин.

А со Славой все началось.

Бригадир

В начале марта 1969 года, накануне своего восемнадцатилетия, Вячеслава Заренкова выбрали (а не назначили!) бригадиром специальной бригады. Одиннадцать мужиков в коллективе. Все взрослые, отслужившие в армии, кто-то уже обзавелся семьей и детьми, плохими привычками, заматерел в кости и в плечах. И вот тебе на! Над ними новый начальник. Не великий, если рассматривать иерархию должностей в строительной отрасли, но все-таки – бригадир!

– Это дело надо отметить, – ядовито отреагировал Владимир, тридцатилетний рабочий, крепкий детина. Время приближалось к обеду. Выпить по стопке на перерыве это не грех. Меси да носи, тут трезвость особая не нужна. Мужики привычно скинулись по рублю.

– Бригадир, сгоняй за закуской. Колбаски, хлебушка и три «Столичной». Обмоем твой взлет, – Владимир ехидно хохотнул и протянул Вячеславу скомканные купюры. – Сегодня гульнем!

Парень вскипел. Это его задевало. Но сдержался, взял деньги, ушел.

На обратной дороге Вячеслав подобрал кусок арматуры, короткий, в полметра, металлический прут, засунул его себе сзади за пояс.

Вернувшись, как ни в чем не бывало, расстелил газетку, нарезал хлеба и колбасы. Чуть поодаль поставил три бутылки спиртного. Мужики, теперь уже члены ЕГО бригады, собрались к столу.

– Шаришь, салапет! – одобрительно крикнул Володя. – А ничего у нас бригадир, да, мужики? С таким работа пойдет!

И снова засмеялся недобро.

В этот миг Вячеслав неуловимым движением выхватил из-за спины арматуру и хрястнул ею по бутылкам. Звон стекла, похожий на хруст хрустальных костей, и драгоценная жидкость растеклась по грязному полу бытовки.

– Ты что? Да ты совсем обалдел? – и дальше эпитеты и эвфемизмы, выражающие отношение рабочего класса к революционным маневрам младшего товарища и коллеги.

Владимир буром попер на Заренкова, готовя широкий замах, но тот коротким движением все того же прута огрел его пару раз по бокам. Огулял, как корову, кнутом и пружинисто отскочил, меняя траекторию боя. Он держал «оружие» наготове – еще шаг, и повторит свой прием.

В этот миг кто-то из мужиков что-то понял, кто-то понять не успел, но мысль зародилась, пошла по нейронной цепи, блокируя резкие движения и ненужную речевую активность.

– На рабочем месте пить никто не будет! – твердо сказал Вячеслав. – Кому не понятно? Я повторю! Никто, никогда!

Как-то всем стало не по себе. Кусок в горло не лез.

Так молодой бригадир сказал свое слово. Поставил себя как мужчину.

– Молодец, Славка! – сказал вечером Соломатин. Слух о смелом поступке молодого бригадира быстро разнесся по общежитию. – Настоящий мужик, у нас в армии таких уважали!

Нет, он не злился за то, что Заренков отбил у него Галину.

– У меня таких еще миллион будет! – уверенно говорил Виктор.

– А мне миллион не нужен, – отвечал Вячеслав. – Мне нужна только одна.

Рациональное мышление

Бригадир Заренков внимательно изучал документы, чертежи, проекты, таблицы замен. Всматриваясь в них, старался добраться до сути, увидеть в лабиринтах линий и цифр логику и здравый смысл. Вот, например, арматурные конструкции. Как известно, есть арматура несущая, а есть вспомогательная. Если посмотреть в проект, там указано: диаметр вспомогательной арматуры должен составлять от двенадцати до четырнадцати миллиметров. Но какая в этом необходимость? Ведь она является всего лишь связующим звеном конструкции! В таком случае целесообразнее применять арматуру диаметром не четырнадцать, а шесть миллиметров, и шаг между металлическими прутьями можно делать шире, не двести, а триста миллиметров. И даже в пересчете на один промышленный объект – а это тысячи метров арматуры! – экономия металла получается солидная. Не сотни килограммов, а тонны!

Бригадир изложил свои соображения в рационализаторском предложении, и оно было принято руководством, за что Заренкова на День строителя наградили почетной грамотой и денежной премией.

За первым рационализаторским предложением последовало второе, и третье, и десятое. Вячеслав к каждому этапу, к каждой фазе строительных работ относился... не как бригадир. Все-таки у бригадира есть свои границы ответственности, довольно узкие, а он выходил за них. Смотрел выше, думал шире. Обнаруживая проблему, он анализировал ее с позиций мастера или даже прораба: а как бы я поступил? Как правильнее, эффективнее, рациональнее? Этот процесс было уже не остановить. За рацпредложениями пошли изобретения – настоящие изобретения, на которые в Москве оформлялись патенты. Но это уже потом, потом...

Восемнадцать

Двадцать восьмого марта 1969 года Вячеслав Заренков пригласил на свой восемнадцатый день рождения друзей по общежитию и Галину с двумя девушками, Валей и Машей. Галя купила для именинника скромный букет красных тюльпанов. Подарила, сели за стол.

– Но я ненадолго. Я сегодня в ночную смену работаю.

Было весело, шумно, и Галине казалось, что она ушла по-английски. Тихо, не привлекая внимания, ни с кем не прощаясь. Села на трамвай двадцать седьмого маршрута, подошла к кассе, бросила три копейки, взялась за ручку, чтобы выкрутить билет за проезд. Но из-за спины потянулась чья-то рука. Обернулась – Вячеслав Заренков.

Так он в первый раз ее проводил. И теперь уже мог приезжать внезапно, без предупреждения, чтобы, например, проводить с работы до общежития.

Они стали встречаться.

Все-таки он был скромный. Уже не лез целоваться как тогда, в Новый год. Когда расставались, брал Галю за руку, и она ощущала, как от волнения дрожат его руки. Не наглый, но компанейский. Интересный, всегда что-то рассказывал по дороге в кино и шутил.

Весной Заренков сообщил, что будет поступать в институт на дневное.

– Если я поступлю, то мы поженимся.

«Как поженимся? А на какие деньги жить будем?» – кто тогда думал об этом?

С деньгами у Заренкова была какая-то своя история. Например, кошелек он не имел. К заветным купюрам относился без уважения: комкал их и засовывал, куда придется, – в один карман, в другой, и даже не знал, сколько их, этих денег, у него есть в наличии при себе в данный момент. Он не жадничал. Легко мог на последние купить шампанское и мороженое, лимонад, конфеты, билеты в кино. И никогда не сказал, как другие: «Знаешь, у меня до полочки осталась «пятерка», поэтому мы никуда не пойдём». Казалось, что деньги у него есть всегда. И между тем, случались конфузы. Как-то ехали они на автобусе, вошел контролер, стал проверять билеты.

– У меня проездной, – сказал Слава.

– А у вас? – контролер выжидающе взирал на Галину.

– А я без билета! – призналась девушка, когда поняла, что Слава не может за нее заплатить. Не может, потому что кончились деньги!

Из автобуса молодых людей высадили. Было неловко. А кроме того, им пришлось долго таяпать пешком. Но точно одно: отсутствие денег не могло помешать их любви.

– Поступлю, и мы сразу в ЗАГС! – планировал Заренков.

Выходи за меня!

Он подал документы в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ) и на первом же экзамене «срезался». Вышло глупо, досадно. Поскольку Вячеслав родом из белорусской деревни, где в ходу был и польский язык, и говорили все на суржике, на белорусско-польско-русском наречии, то, естественно, Заренков боялся в сочинении наделать ошибок. Товарищ посоветовал ему сделать шпаргалки. Не хотел, не привык обманывать, но все-таки сделал одну, отчасти, чтобы не расстраивать друга. И надо ж такому случиться: ему выпала тема, которая как раз была на шпаргалке. Вячеслав достал ее, начал неумело списывать, а преподаватель заметила. Заренкова выдворили из аудитории.

Чтобы не терять еще год, он подал документы на вечернее отделение и экзамены сдал успешно.

Увидев свою фамилию в списке зачисленных, тут же поехал к Галине. Вызвал ее из общежития, они пошли гулять по городу. Поднялись на мост через железную дорогу, и здесь Слава остановился, чтобы сказать те слова, которые однажды должен сказать каждый мужчина.

– Выходи за меня! Давай завтра же подадим документы в ЗАГС, а родителям скажем потом, перед свадьбой, пригласим их, и все!

На следующий день отправились во Дворец бракосочетаний на набережной Красного Флота (сегодня – Английская). Встали в живую очередь, двадцать восьмыми по счету.

– Первых двадцать пар мы успеем принять до обеда, – сказала слуга Гименея. – Остальные приходите после полудня.

Вячеслав и Галина пошли погулять. Поднялись на колоннаду Исаакиевского собора, съели мороженое, попили коктейль, бросили копеечку в фонтан «на счастье». Вернулись, документы в окошко передают.

– Вы должны оплатить пошлину. Один рубль двадцать копеек за каждого.

Вячеслав по карманам – там пусто.

– Я все потратил во время прогулки, – сказал он как-то слишком уж просто, легко, как будто сейчас эта женщина из Дворца этот проступок ему тут же простит и все само собой разрешится, без пошлины.

Галина, покраснев, открыла свою сумочку и достала необходимые деньги.

Потом, спустя годы, она часто шутила, что эти «рубль двадцать» стали ее самой выгодной инвестицией в жизни.

– А твои родители знают, что ты жениться собрался? – спросила служительница молодого человека, по-своему оценивая ситуацию...

Бракосочетание назначили на 23 декабря 1970 года.

Договорились, что будут копить. По сорок рублей в месяц сможет откладывать со своей зарплаты Галина, рублей 50–70 – с Вячеслава. Все-таки он зарабатывал больше, примерно 200 рублей. Если регулярно откладывать, то можно подготовиться к свадьбе. Хорошо, что есть еще время. Хорошо, что есть магазин «Весна», где по талонам можно приобрести кольца и наряд для невесты.

Где отмечать? Вариантов не много. В основном все свадьбы справляли в квартирах. Ресторан – это роскошь!

Квартира была у брата Виктора. Двухкомнатная, в новой девятиэтажке микрорайона Купчино.

– Составим столы, что-то приготовим сами, что-то купим в кулинарии, – планировала Галина. – С этим проблем не будет. Проблема у нас одна – где найти для тебя подходящий костюм?

Для себя Галина легко купила короткое кружевное немецкое платье и фату. А вот для Заренкова по его фигуре ничего подходящего не было. Высокий, худой, ничего на него не садилось. В итоге хороший костюм пришлось заказать в ателье. Он и стоил дорого, но зато в нем можно и в институт ходить иногда. Вячеславу пришлось брать кредит.

Но дело того стоило. Когда к ладно сшитому костюму добавилась белая рубашка и туфли, жених стал выглядеть как лондонский дэнди. Никто б не сказал, что этот молодой человек бригадир спецбригады на стройке.

Свадьба

23 декабря 1970 года у Дворца бракосочетаний гостей собралось не густо. Брат Виктор с женой Раей да тетка Нина – вот и все со стороны жениха. За пару дней до того мама Вячеслава попала в больницу с камнями в печени, отец, соответственно, на хозяйстве остался. По линии Гали – мама, брат и сестра. Ну, и еще молодежь – пять девчонок с мельничного комбината, шесть парней со стройки. Итого не более двадцати человек. Если считать с гармонистом, который к вечеру так разошелся, что в запале свой парик потерял.

Торжественная церемония. Застолье в квартире. А вот о первой брачной ночи молодой муж не позаботился. И Галина про себя корила его за это. Когда веселье стихло, когда все были основательно сыты и пьяны и улеглись спать прямо на полу, на матрасах, – тогда молодоженам в коридоре поставили узкий диван.

Целовались они, запершись в ванной.

А на утро поехали жить в то самое общежитие, с которого все начиналось. Троицкое поле, дом 36. В одной комнате трое парней, Витя-гитарист, желанный жених для миллиона девчат, в том числе. В другой – Вячеслав и Галина. А сосед их, Александр, человек деликатный, через пару дней уехал в командировку, чтобы молодым не мешать.

Можно представить себе этот рай коммунальный. Молодые мужчины, их быт и носки, разговоры, общий туалет, который на то и общий, чтобы в нем никто толком не убирал...

– Слава, давай снимем квартиру! – просила жена.

– Если мы уйдем отсюда, строительная компания забудет про нас навечно, и мы точно не получим квартиру, которая нам причитается, – объяснял Заренков. – А пока мы здесь, мы у моего начальства как бельмо на глазу, все-таки молодая семья!

Потом пришла комендант, грозная женщина со скрипучим, как резина на крутом повороте, именем Зина.

Зина вошла в их комнату, как к себе домой, и с порога стала орать, мол, она только что всех семейных расселила, освободила от них общежитие, а тут Слава привел невесть кого...

– Это моя жена!

– Я повторяю! Я только что всех женатиков переселила, а ты мне тут новую семью открываешь!

Галя заплакала.

– Ты же слышала, что всем женатым дали квартиры. Сейчас новые наженятся, нас станет много, мы заполним половину общаги, и года через три нас расселят. Потерпи!

Общежитие

Действительно, семейных пар становилось все больше. Вот и сосед Заренкова в мае вернулся из командировки уже с женой Ларисой. Комендантша выселила троих ребят из пятнадцатиметровой комнаты и поселила в нее две семьи – Славу с Галиной и Александра с Ларисой.

Чтобы разделить общее пространство комнаты, Заренковы купили шкаф. И у соседей шкаф. Два шкафа, каждый лицом к своему хозяину. Вот и перегородка. Ничего, что не до потолка.

Холодильника не было. Зимой продукты висели в сетке за форточкой. Борщ варили с таким расчетом, чтобы все съесть в один день.

В соседнюю десятиметровую комнату поселили тихого паренька «со справкой». Он мог, например, втихую съесть заренковские щи. Вячеслав утром встал, кастрюльку на газ, глядь – а там просто вода.

– Ты съел?

– Я, – признался паренек.

– Мог бы за собой кастрюлю помыть...

Лаборатория

Комендантша Зина парня со справкой переселила подальше, а десятиметровую комнату выделили Вячеславу под лабораторию. Дело в том, что Заренков на общественных началах выпускал «Комсомольский прожектор», газету, освещающую рабочие будни треста. Вот где пригодился его талант фотографа!

В свободные от работы минуты он делал репортажные снимки со стройки, печатал фотографии, писал к ним тексты, рассказывая о кипучей жизни предприятия, о передовиках, представителях строительных династий, свершениях. Теперь целая комната была в его распоряжении. На леске, натянутой от стены к стене, сушились свежие снимки. Почетное место занимали фотоувеличители и ванночки с проявителем и фиксажем. По ночам здесь уютно сиял красным светом фото-фонарь...

Когда строили фабрику имени Веры Слуцкой на Васильевском острове, Заренкову поручили ответственное задание: сделать фото для столичной ВДНХ. Технически это было очень непросто, почти нереально! Как в домашних условиях, без специального оборудования, изготовить фотоплакат размером три на шесть метров?! Вячеслав подвесил фотоувеличитель под потолок, на полу разложил фотобумагу самого большого размера из тех, что имелись в наличии – 60×60 сантиметров. Экспериментировал, делал пробники, полностью устлая пол бумагой. Подбирал выдержку и диафрагму, подсвечивал края комнаты, добиваясь равномерности освещения...

Проявлял, закреплял, глянцевал. Проявитель приходилось готовить ведрами, вместо ванночек использовал кухонные тазы. Готовые фрагменты он склеивал в единое целое на двух фанерных щитах. Так получилось пять плакатов 3×6 метров. Панорама строящейся фабрики, лица рабочих, станки, краны – все эти фотополотна передавали атмосферу большой стройки, тонко и точно фиксировали рабочую жизнь.

Сын. Дима

А если зафиксировать его личную жизнь, то получилось бы вот такое интересное фото: Вячеслав готовился к очередной сессии в институте, а Галина готовилась к родам.

Утром 8 января 1973 года она проснулась и поняла: начинается!

– Как начинается? У меня сопромат, мне экзамен надо сдавать...

– Вызови «скорую» и поезжай на экзамен, – попросила Галина.

– Ну уж нет, я с тобой!

«Скорая» долго возила по всему Ленинграду. В городе бушевал грипп, часть родильных домов закрылась на карантин. Там не приняли, здесь отказали. В итоге к 16.30 их доставили на Васильевский остров, в роддом на улице Щорса. Галина успела переодеться и сразу в родовую палату.

Вячеслав ждал, когда ему вынесут пакет с вещами жены. Вещи тогда не полагалось держать в больнице, их возвращали «сопровождающим лицам».

Санитарка подала куль с одеждой и огорошила: «Поздравляю, у вас мальчик родился!»

Он не поверил: нельзя же так быстро, точно что-то напутали!

Побежал в телефонную будку напротив, через «09» узнал номер приемного отделения.

– Извините, скажите, родила Заренкова?

– К нам данные еще не поступали!

«Ошиблась санитарка, – думал Заренков по дороге в институт, понимая, что опоздал туда безнадежно. – Рожать – это трудно и долго. Хотя еще неизвестно, что труднее – родить или сдать сопромат!»

На экзамен успел. Влетел в аудиторию, поздоровался и выпалил: «Я готов отвечать!»

– Но вы еще не взяли билет, – удивился суровый профессор.

– Я к любому вопросу готов! – сообщил новоявленный отец, вытаскивая билет. Он не мог тратить время на подготовку, внутри все кипело: событие века – жена родила человека! Или не родила еще? Скорей бы узнать!

– Хорошо, отвечайте.

Он отвечал правильно, но сбивчиво. За жену волновался, не за себя.

– Вот если бы вы все-таки посидели, сосредоточились, могли бы и на «пятерку» ответить, а так – «четыре», – сказал профессор, расписываясь в зачетке.

Выбежав из аудитории, Вячеслав понесся к телефону-автомату, чтобы узнать...

– Алло, Заренкова Галина...

– Да, сын у вас, сын. Богатырь, вес 3600, рост 52, – произнес голос из трубки. Это был самый лучший голос на свете!

– Спасибо, спасибо, спасибо! – повторял он бесцельно, не в силах сдержать распиравшее его изнутри огромное счастье. – Спасибо, спасибо! А когда забирать?

– Вот вы сразу и забирать. Пусть мама с малышом отдохнут у нас пару-тройку дней, послезавтра звоните...

Сына привезли все в ту же половину комнаты, отгороженную шкафом. Хорошо, что хоть соседи на недельку уехали. Имя для ребенка заранее не выбирали. Ведь не знали, кто будет, девочка или мальчик?

– Пусть будет Дима. Мне нравится, – и даже не важно, кто предложил это первый, не спорили. Дима так Дима.

Из бригадиров в мастера

Галина собралась уже выходить на работу, но тут пришлось лечь в больницу. В девять месяцев у Димы началась пневмония. Молодая мама была вынуждена написать заявление на увольнение.

Жить на одну зарплату сродни проклятию, как говорил герой фильма Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука». А тут еще Вячеслава перевели на должность мастера. Начальник уговорил его, пообещал предоставить квартиру через три года. А это многого стоит, ради такого можно и пренебречь зарплатой. Бригадиром он получал 240 рублей, а мастеру платили 135.

Галина как узнала, так всю ночь проплакала. Но тихо, чтобы муж не услышал. Она не упрекала, понимала, что надо двигаться по карьерной лестнице. Но как устала Галина от этой нищеты, от безденежья! Бывало, она по всему общежитию бегала, чтобы назанимать денег на уколы для сына, на лекарства, которые постоянно покупать приходилось.

Но мысль о собственной квартире не шла из головы. На этой мысли свет клином сошелся. Квартира казалась пределом мечтаний. Ради нее можно многое претерпеть.

Но ведь женщина! И женское в себе не задушишь. Как-то вышла погулять с коляской, собрались мамочки, кто о чем поболтать. И тут одна достает золотой кулончик, подковку, весом в грамм.

– Девочки, продаю! Всего за четырнадцать рэ!

Все стали рассматривать, передавать из рук в руки. И как же захотелось Галине купить этот кулончик, аж до самого жалостливого щенячьего писка в груди – так захотелось! А не смогла.

Если бы не Ходулы, высохли бы они как ходули. Далеким белорусским хутором спасал – оттуда привозилась картошка и домашняя колбаса, специфическая по вкусу, немного пересоленная, но с разными травками. Тушеную картошку даже не солили, просто нарезали в нее колбасу и к столу.

Но колбаса только к празднику. А в будни просто картошка. Вареное яйцо на завтрак. Суп на обед. Картошка на ужин.

– Слава, придумай что-нибудь! Ведь нам еще кредит за свадебный костюм платить надо, – просила Галина.

И он придумал. Вместе с каменщиком Сашкой Базановым стал подрываться на шабашки в районы. Обкладывали деревянные дома кирпичом. Александр был мастером своего дела, кирпич к кирпичу – на глазах вырастает стена. Скорость как у хоккеиста в наступлении, только поспевай за ним, ни минуты свободной. Хоккей был страстью Базанова. Он старался ездить на все чемпионаты и собрал уникальную коллекцию значков, коллекционеры за ней охотились. Этот внеурочный калым молодого мастера стал подспорьем для семейного бюджета Заренковых. Кредит закрыли.

Ночные бдения

А тут еще Галина взялась за работу. Вячеслав получил «подряд» для жены. Он как-то договорился у себя в управлении, что она будет печатать на дому документы. Тариф – двадцать копеек за страницу текста. Берешь, например, «Инструкцию по технике безопасности», между листами вставляешь копирку, потому что надо сразу пять экземпляров, и пошел бить по клавишам. Десять страниц – два рубля заработал! Муж приносил пачку бумаг домой часам к одиннадцати. Галина садилась на кухне, плотно закрывала дверь и до трех часов ночи печатала. Бывало, что и до утра. Это зависело от важности и срочности документов.

Так неожиданно Галине пригодилась специальность секретаря-машинистки, полученная еще в ранней юности. Теперь она могла пополнять семейный бюджет примерно на 80–90 рублей ежемесячно. Приличные женские сапоги стоили сотню. А хорошая финская куртка – 180. Тут придется залазить в долги, чтобы купить.

Она печатала все больше и больше, уже и ночью, и днем, вошла в ритм. Но Дима этого не любил. Три домашних машины – три злейших врага его: стиральная, шильная и печатательная. Как только мама бралась за одну из них, он начинал расстраиваться и просил поиграть с ним.

Ноев ковчег

Ситуация на коммунальном фронте обострялась. Соседи Коля, Юля и дочь их Инна – это бы еще ничего. Но к Коле приехал двоюродный брат, да с женой, да с двумя детишками. В итоге за стенкой, в пятнадцатиметровой комнате, жило уже не трое, а семеро человек. И с ними приходилось делить пятиметровую кухню, а в душ и туалет – вообще не попасть! Очередь туда была как в ЦУМе на распродаже.

Летом приехала теща Анастасия Ивановна. И вечером жаловалась она со слезами, что смогла зайти в туалет не раньше двенадцати часов дня. Теща забрала Диму на свежий воздух, на вольный выпас в свой тихий город Фурманов. А Вячеслав отправился к заместителю управляющего треста по жилищным вопросам. Изложил ситуацию, просил выделить другую комнату, чтоб соседей поменьше.

– Скоро, скоро свою квартиру получишь, мы же тебе обещали, – успокаивал зам. – А пока там у вас воспитательница увольняется, из вашего общежития. Значит, освобождается однокомнатная квартира. Вот ее и занимайте!

Да, кроме коменданта Зинаиды всякому приличному общежитию полагалась еще воспитательница, даже политрук, и он тоже был! Политрук периодически проводил политинформацию, по-медвежьки неуклюже анализируя «ситуацию в мире». Но никто на нее не ходил.

Вячеслав пошел к воспитательнице.

– Да ни в жизнь Зинка вас в мою квартиру не впустит! – резанула она. – Давайте так: когда буду я выезжать, вы мне подгоните машину и дайте людей. Пусть они мои вещи вынесут и погрузят, а ваши внесут, и я в тот момент передам вам ключи, а сама тут же отчалю из этой рабочей гавани. А вы, главное, оборону держите, когда Зинка нагрянет!

Так и сделали. Вынесли, погрузили, внесли и расставили.

Заренковы остались все в том же доме, но теперь уже в третьем подъезде и в отдельной однокомнатной квартире.

В ту неделю не было счастливее человека во всем Ленинграде, чем Галина. Она возвращалась домой, садилась и думала: «Не может этого быть! Я одна, и соседские дети не носятся гурьбой по моей комнате, и в туалет можно без очереди, и выходить из него можно не торопясь, и на кухне не надо толкаться, и чужая грязная посуда не раздражает! Слава Богу, и Славе спасибо – все-таки решил он этот вопрос!»

Как раз в это время Вячеслав закончил работу на серьезном объекте. Завод «Электросила» успешно сдали в эксплуатацию. Заренкову выписали премию – сто двадцать рублей. На эти деньги семья купила первый свой холодильник. Теперь щи можно не доедать. Не прокиснут!

На радостях они устроили новоселье. Собрали друзей. Первым в числе приглашенных был, конечно, брат Виктор. В отличие от Вячеслава старший брат был невысок. Коренастый, уже с мужским животом, с редящими волосами, – он казался им уже таким взрослым. Хотя разница в возрасте была относительно невелика, всего тринадцать лет. Виктор был человеком подвижным и добрым. Доброта его граничила с мягкостью. Наблюдая за старшим братом в быту, в компании, мало кто смог бы сказать, что это – начальник участка, большой человек на строительной площадке.

Он пришел с женой Раей, поздравлял, шутил, что-то там подарил, как полагается.

– Наконец-то ты добился, чего так хотел. Молодец! – поздравлял Виктор. – Если посмотреть, каким зеленым мальчишкой ты приехал в Ленинград и кем стал – просто небо и земля! Какую цель теперь ставишь перед собой?

– Цель простая, – улыбнулся Вячеслав. – Работать, развиваться, расти... И, наверное, надо купить цветной телевизор.

Выпили за цветной телевизор. Он стоил дорого. Почти тысячу.

Ключ на веревочке

И только пятилетнего Диму тихая однокомнатная квартира не радовала. А новенький холодильник, грозно ворчавший в углу, даже немного пугал. В 1978 году, когда Диме стукнуло пять, он отправился в садик. Теперь на шее у него висел ключ на веревочке. Возвращаясь из сада, мальчик пробирался через плотную жилую застройку к своему общежитию, сам открывал дверь, входил в коридор, а там – темнота и пугающая тишина. Сначала он ложился на диван и плакал, потом набирался смелости и включал свет. Страх отступал. Оставалось сидеть и ждать, когда вернутся родители. Он знал, что мама устроилась «туда же, где папа», в СУ-92, нормировщицей.

Родители заняты. Вячеслав очень хотел дать ребенку все, чего сам не имел в своем детстве. Но дать на ходу, на бегу невозможно, а молодой муж, отец, мастер и студент-вечерник на месте совсем не стоял. Времени не было так, что сердце стучало в такт, подпрыгивая от нетерпения: «вре-менинет-вре-ме-ни-нет-вре-менинет-вре-ме-ни-нет».

Вячеславу казалось бесценным научить сына думать. Работать мозгами. Он сам их не выключал даже во время обеденного перерыва. В голове постоянно что-то варилось, клубилось и закипало.

Работать мозгами – это, пожалуй, кружок шахмат.

И он отвел Диму на плавание и на шахматы. Привел, записал и был готов водить на занятия, но сын взбунтовался.

– Почему они меня постоянно обыгрывают? Это неправильно! Они должны сначала меня научить!

В бассейне плавал, но шахматы бросил. Хотя дома любили эту игру. Шахматные партии проводили по кругу, по вечерам шел нескончаемый чемпионат. Бывало, что Галина выигрывала у мужа, бывало, что сын побеждал мать, если она чуть-чуть поддавалась.

А недавно она так удачно поддалась на уговоры соседки, которая предложила работу завхоза в детском саду.

– Что ты там зарабатываешь на своей стройке? 130 рублей оклад? А сколько ты тратишь времени и денег на дорогу? А сколько сидишь на больничном с ребенком?..

И Галина на два года стала завхозом: отработала Димкину выпускную группу в детском саду и весь его первый класс. Из школы сын приходил с портфелем к маме, садился делать уроки, пока сама она таскала раскладушки, двигала шкафы, принимала мешки с сахаром и крупами, таскала бидоны с молоком.

Ох, эти бидоны! Весом в тридцать семь килограммов! Галины габариты не рассчитаны на такие нагрузки, но жизнь каждому дает свои испытания...

Черная суббота

И самые роковые удары судьбы со стороны порой выглядят буднично.

Настал день «черной субботы». Предприятия, имея четкий производственный план, все-таки иногда выбивались из графика великих свершений. И раз в месяц или в квартал все недоделанное, недоделанное сбивалось в дополнительный будничный день. Так суббота перекрашивалась из красного календарного дня в черный цвет.

Суббота 22 марта 1979 года стала для семьи Заренковых чернее черного.

В перерыв Виктор Заренков запрыгнул в кабину грузовика, чтобы доехать до магазина. Надо было что-то купить к обеду. Водитель притормозил у кромки дороги. И начальник участка как-то неосмотрительно двинулся наперерез. Как будто отключились внимание и инстинкты у всегда собранного и дисциплинированного человека, всего-то на миг.

И в этот миг страшный удар легковушки отбросил Виктора на встречную полосу, где шел грузовик с прицепом-шаландой, и Заренков еще раз попал под колеса.

Такая нелепая смерть – она никак не лепилась, не рифмовалась со всей его жизнью, деятельной и перспективной. Ему шел сорок второй год.

Не грянули громы, не разорвали полотнище неба всполохи молний, мир не содрогнулся ни одним своим мускулом. Жизнь не остановилась. Только мама София Петровна – она приехала на похороны из Ходулов, – за один день постарела сразу на десять лет. С тех пор мама никогда больше песен не пела, хотя петь умела, любила. Закончились ее праздники. Для нее «Синий платочек» стал траурным, черным.

Обман

Мастер Заренков завершал работу на важном объекте. Впервые в истории СССР в Ленинграде должен был состояться Международный форум работников рыбной промышленности, выставка рыбной индустрии, морепродуктов и передовых технологий. В рамках этого мероприятия было запланировано посещение иностранными делегациями института «Гипрорыбпром». Казус заключался в том, что сам институт располагался на территории Воскресенского Новодевичьего монастыря. До передачи в лоно РПЦ храмов и монастырей еще не дошло, но партийные функционеры понимали щекотливость момента.

– Нехорошо это, – признал кто-то из вышестоящего эшелона. – В том смысле, что не поймут иностранцы, пойдут ненужные разговоры...

Поэтому и было решено построить для института «нормальное» здание за пределами монастырской обители.

Заренкову как мастеру, а затем и прорабу (на этом объекте он пошел на повышение) пришлось активно работать по обе стороны монастырской ограды. Вот тогда в первый раз и пришло осознание, что «все это как-то неправильно».

В зале заседаний стояла трибуна, грозно высилась статуя Ленина, висели знамена, плакаты и прочая атрибутика соцреализма. Ильича демонтировали и перенесли, начали сбивать со стен отслоившуюся от сырости штукатурку. Она отбивалась легко, грузно шлепалась на пол большими пластами. А под ней – смотрите, ребята! – строители как-то разом умолкли. Шуточки, бравурные фразы, шелуха суеты – все угасло. Не мигая, в упор на рабочих смотрел сам Христос. И лик Богородицы. Ангелы и евангелисты один за другим выходили из штукатурного плена десятилетий...

Это всех потрясло.

Напротив монастырской ограды возвели новое здание. В нем и разместились сотрудники «Гипрорыбпрома». А встык институтскому корпусу построили секцию жилого дома. Просто было свободное место, и Заренков предложил его рационально использовать. Десять процентов жилого фонда по договору получает строительное управление. Десять процентов – это, к примеру, пять новых квартир. Кто на них может рассчитывать? Начальник управления – раз. Заренков как автор идеи, как мастер, проявивший себя на объекте, – без всякого обсуждения – два! Ну, и кто-то еще, третий, четвертый и пятый.

Вячеслав Заренков постарался: в доме были проведены отделочные работы по высшему классу. Более того, в квартирах установили телефонную линию! Покупай аппарат, получай номер – готово! Он примерял этот дом на себя, и все ему нравилось – и район, и местоположение, и то, что неподалеку есть магазины и школа для Димы.

Уже в должности прораба он сдал объект и со спокойной душой отправился в двухнедельный отпуск.

Возвращается в строй, идет к начальству, а оно как-то мнется. Недаром «оно». Не смотря в глаза, больше в сторону.

– Вячеслав, ты понимаешь, нет квартиры. Надо тебе еще подождать!

– Как это нет? Вы же сами мне обещали?! – он не мог поверить ушам. – Я же лично «пробивал» это жилье! Договорился, что не десять, а пятнадцать процентов отдадут нашей организации. Пять процентов, можно сказать, – это законно мои!

– Да, это так. Но ты понимаешь, тут позвонили из главка и попросили. Я не смог отказать, – мямлил управляющий треста.

– Тогда я прошу вас дать мне квартиру в другом месте!

– Дадим, но попозже. Поживите еще в общежитии. Потом придумаем что-нибудь...

Внутри все кипело.

Вот так, значит, да?

Чудовищная несправедливость! Какой-то дикий, первобытный обман.

Заренков подошел к сейфу, стоявшему почти за спиной, слева от кресла руководителя. Он знал, что там непременно стоит то, что ему сейчас нужно. Не ошибся. На этот раз – бутылка коньяка. Сорвал крышку, сел напротив, запрокинул бутылку и добрый стакан вылил в себя, чтобы залить невыносимое пламя внутри.

– Значит так, дай мне бумагу! – на «ты» и без субординационного лоска. – За-яв-ле-ни-е, – писал он, сам себе вслух диктуя. – Про-шу уво-лить меня в связи с тем, что не желаю работать под руководством подлого и нечестного человека.

– Ты еще вспомнишь этот день, Заренков! – затрясся начальник.

«Тринадцать лет своей жизни! И не получил ничего», – тихо стонал Вячеслав, заливая жуткое пламя. А оно все никак не гасло, никак.

Он ушел в никуда.

На новом уровне

И все-таки эти тринадцать лет, с 1968 по 1981 год, – они не прошли даром. В тресте Заренков прошел большой путь, от арматурщика до бригадира спецбригады, в двадцать один год стал мастером строительных работ, затем – мастер участка, прораб, старший производитель работ, начальник участка. Он окончил институт, внес несколько серьезных рационализаторских предложений, сформировался как профессионал. Да, с квартирой его обманули. Но опыт – ценный багаж. Заренкова уже знали в городе как специалиста. И не дали долго сидеть без работы. Прослышав, что Вячеслав не у дел, к нему в общежитие на служебной «Волге» приехал Борис Иванович Пастухов, недавно назначенный управляющим в трест 72.

Трест 72 (Лентурбострой) был организован в 1974 году специально для восстановления Ленинградского металлического завода после пожара. Второй его задачей стало строительство филиала «ЛЮМО» в Старой Деревне. Площадь – огромная! Для производства фотоаппаратов предстояло возвести сто восемьдесят тысяч квадратных метров производственных площадей.

Завод должен вырасти на пустыре, на неосвоенной территории, где не было никаких коммуникаций. А значит, предстояло строить и котельную, и понизительную подстанцию, и локальные очистные сооружения, и резервуары запаса воды, и энергоблок, и современную гальванику...

– Пора тебе, Вячеслав, выходить на новый уровень, – серьезно сказал Пастухов. – Работа грандиозная, интересная. Мне нужен начальник участка. Прямо скажу: мне нужен именно ты! А квартиру в течение года я тебе обещаю! За мной не заржавеет, ты меня знаешь!

И привез Борис Иванович Заренкова в чисто поле, точнее – на территорию садового общества. Поставил цель, наметил задачи и сроки.

– Все, действуй! Приступай к исполнению!

– А люди? Где мне людей набирать? Из кого формировать бригады? – спросил Вячеслав.

– Где хочешь. Ты начальник участка, ты и решай.

Пастухов уехал, и остался Заренков один в поле воин, без предводителей и пастухов. Без рабочих, мастеров и прорабов. Призадумался он. И тут телефонный звонок. Звонил один из заместителей Пастухова. Представился, поинтересовался ситуацией.

– Проблема с кадрами у меня. Думаю, как решить...

– А давай-ка мы завтра с тобой вместе съездим в тюрьму, там у меня начальник знакомый, может, выделит человек пятьдесят для начала, – предложил зам.

Тюремные кадры

На следующий день они встретились, взяли три бутылки «Столичной» и закуски с собой, – без этого начальник колонии не разговаривает! – и поехали в поселок Горелово.

– Итак, сколько человек вам надо? – после пары стаканов спросил хозяин.

– Человек сто, – не моргнув глазом, сказал Заренков.

– Сто не дам! Но дам семьдесят пять и одного бригадира.

На том и порешили.

Заклученные – те еще кадры. Но ничего не поделаешь, начинать как-то надо. Через пару дней разношерстная бригада в количестве семидесяти шести человек, разбитая на группы по пятнадцать-двадцать эка, рано утром прибыла на объект.

Заренков поставил задачу. Фронт работы обширный, бери и делай. Вроде все поняли. Он поехал в трест по делам, но, вернувшись через пару часов, обнаружил в вагончике двух мастеров и прораба. В разгар дня они резались в карты. Рабочие отдыхали на солнышке. Кто спал в тени, кто пиво посасывал, кто просто без дела болтался.

– В чем дело? – спросил начальник участка.

– Да вот, бетон ждем, – нехотя ответил прораб.

– И что? Других дел разве нет? – возмутился Заренков.

– А зачем искать себе работу? Вот привезут бетон, тогда и начнем.

– Значит так! Всем на площадку и организовать работу, – смахнув карты со стола, заявил Вячеслав Адамович.

– А чего жопу-то драть? Все равно зарплату получим и никто нас не уволит, – злобно прорычал мастер. А бригадир-верзила из заключенных добавил: «Нам сидеть «до звонка», срок идет, так что, начальник, ты не командуй особо, мы всяких видели».

– Я тоже видел немало. Всем – за работу!

Вечером, собрав мастеров, бригадиров и прораба, Заренков выступил с речью.

– Мы строим важный объект и должны сдать его в срок. Поэтому будем работать на совесть. Никакого разгильдяйства и нарушения дисциплины! Вы, руководители, особенно должны понимать это! Кто не готов к такому, может завтра на работу не приходите, убирайтесь обратно в колонию. Остальных предупреждаю: приходите на объект за полчаса до начала рабочего дня, организываете процесс, и чтобы к восьми утра все уже были на своих местах и знали задание на текущий день.

Они смотрели на него снисходительно. Мол, мели Емеля, твоя неделя. Власти за ним они не признавали.

На следующий день Заренков смотрел на часы. Мастера пришли к 8.30, прораб еще позже, рабочие начали выползать к 9 часам. И никто толком не знал, чем заниматься, и кто сколько заработает за день.

Начальник снова собрал троицу «руководителей» в прорабской.

– С сегодняшнего дня вы здесь не работаете, до свидания!

– Брось, не гони. Ты пожалеешь об этом! – набычились те.

– Я лучше здесь буду один, чем с такими помощниками!

На следующий день Вячеслав Адамович с раннего утра был на объекте. Сам расставил всех по местам, закипела работа. Он засел за телефон. Надо дозвониться в диспетчерскую насчет бетона, надо в трест по поводу техники... И тут дверь в прорабскую открывается, входит троица. У одного в руках топор. Поигрывая этим топором, мастер приближался к столу. Двое других окружали по обе стороны. «Такую сцену я видел в кино, – успел подумать Заренков. – Точно: Вицин, Никулин и Моргунов в комедии «Самогонщики».

– Ну что, договоримся или как? – мастер с тупой усмешкой поигрывал обухом.

– Вон отсюда, я сказал! – взорвался начальник. – Пошли вон!

Троица замерла, но уходить не собиралась. Атмосфера сгущалась. Заискрило в бытовке. И тогда Заренков схватил обрезок арматурного прута двадцать второго диаметра, припасенный в углу для подобных случаев. Схватил и тут же, не мешкая, с силой рубанул им по руке, державшей топор. Один взвыл от боли, двое других застыли на месте от неожиданности. Воспользовавшись замешательством, Заренков продолжил воспитательную работу. Огрел второго по плечу, третьего по боку.

– Вон отсюда, чтобы я вас больше не видел!

После этого случая молодого начальника управления за глаза стали называть диктатором. Уважали, шептались, что строг, мол, но справедлив. Трудоголик и пахарь, а если что, может врезать...

Сам себя Заренков диктатором не считал. Он был уверен, что к работе надо относиться со всей душой, приходить вовремя, не халтурить, не сачковать, быть в команде, помогать друг другу. И зарплату зарабатывать, а не получать. Если все это выполнялось, работник был у него на хорошем счету и мог рассчитывать на человеческое отношение, на хорошую зарплату и премии. Если пошли «косяки», то да – он не церемонился: «Все, до свидания! Вам в отдел кадров!» Особенно требования эти касались бригадиров, мастеров и прорабов. Тех людей, которые сами должны показывать пример дисциплины и трудолюбия. Конечно, не всем это нравилось. Кто-то считал подобный подход «диктаторством». Но без порядка никак!

* * *

Борис Иванович Пастухов на высокой должности не удержался. Он постоянно конфликтовал с райкомом партии и вот доконфликтовался – сняли его! Новым управляющим треста назначили Николая Федоровича Саранского, который сдержал обещание своего предшественника: в 1983 году Заренковы получили двухкомнатную квартиру в новом доме на улице Асафьева. Всю мебель для новенькой «двушки» пришлось брать в кредит. Чешский гарнитур стоил приличных денег. Значит, снова – работа, работа...

Натура номенклатуры

Но не у всех так работает логика. Есть довольно людей, которые не видят прямой взаимосвязи между упорным трудом и результатом этого труда, выраженным в денежном эквиваленте. В конце концов, иногда очень важно вовремя прочитать нужные строки из Достоевского.

Заместитель прокурора Калининского района Ленинграда Юрий Приемыхов смыслом своей деятельности видел продвижение вверх. Любыми средствами. Он очень хотел сделать еще один шаг по карьерной лестнице и стать прокурором. Что для этого надо? Раскрутить громкое дело, чтобы о тебе заговорили, отметили и продвинули на уровень выше.

А тут еще и времена настали такие...

В 1982 году генеральным секретарем ЦК КПСС стал руководитель КГБ СССР Юрий Андропов. Он тут же объявил наступление на коррупцию. Главным направлением удара была выбрана самая проблемная отрасль в стране – торговля. Начались громкие разоблачения. В Москве в момент получения очередной взятки был арестован директор Елисеевского гастронома № 1 Соколов. За ним арестовали директора гастронома «Новоарбатский», директора универмага «Сокольники», руководителя столичного Главторга. Всего за короткое время в Москве «зачистили» 775 торговых работников.

14 декабря 1984 года Юрия Соколова расстреляли. Директора плодоовощной базы Мхитара Амбарцумяна, который участвовал в штурме Рейхстага и в параде Победы на Красной площади в 1945 году, тоже приговорили к смертной казни.

Народ, который «торгашей» откровенно недолюбливал, воспринял эту чистку с чувством глубокого удовлетворения. Но за «торгашами» пошли остальные. А за столицей в эту «борьбу» включились региональные сотрудники правоохранительных органов.

Настал золотой час Приемыхова.

По отработанной в Москве схеме Юрий Петрович тоже взялся за «торгашей». Он приступил к проверке крупной овощной базы. Начальник ее находился в отпуске за границей. Но это не страшно. Можно и замов посадить на скамью, начальников складов и завмагов.

В итоге многие получили солидные сроки. А начальник базы так и остался за рубежом. Шума много наделал Приемыхов, но настоящего резонанса-то нет!

Нет громких публикаций в прессе, нет славы принципиального борца с коррупцией и повышения.

А надо – очень!

Стал Приемыхов копать под строителей. Усердно собирал информацию в поисках большой добычи. Фигура заместителя директора по строительству завода «ЛОМО» показалась ему подходящей. Для любого найдется статья, тут нет исключений. К уважаемому человеку вошли парни в костюмах и галстуках и увели за собой. Но план был такой у Приемыхова – не мелочиться, не по одному выкорчевывать, а выявить сговор, разоблачить целую преступную группу. Те же парни пришли к Заренкову, предъявили красные корочки: «Пройдемте с нами, товарищ начальник участка!»

И тут случилось невероятное.

Заренков вскипел, как это уже с ним случалось в прорабской, но за арматуру не схватился, а взял первого же товарища в штатском за грудки и выставил за дверь, грубо и жестко. Следователи опешили от неожиданности и отступили.

Если бы он не сделал этого, то, скорее всего, провел бы в следственном изоляторе месяц или квартал. Или полгода, как его коллега, заместитель директора, которого, отпуская на волю, предупредили, чтобы помалкивал о неправомерном изъятии со свободного поля и не вздумал жаловаться: «Иначе посадим надолго!» Надломил, ни за что сломали жизнь человеку.

Так что, получается, Заренков использовал верную тактику. Но это разозлило Приемыхова. Заместитель прокурора записал Вячеслава Адамовича первым номером в список личных врагов. И начались рейды, проверки, ревизии. Документы изымались, терялись и снова запрашивались. Заренков взрывался: «Да вот же, вот – копия перечня документов, которые я вам уже предоставил! Не можете найти? Потеряли? Ваши проблемы, ищите!»

Его вызвали в райком партии Калининского района.

– Поступают на вас нарекания. Сообщают, что ваше поведение не соответствует высокому званию члена коммунистической партии.

– Все, что надо, у меня соответствует, – резко ответил молодой руководитель. – И партийному уставу, и решениям внеочередных съездов, которые я претворяю в жизнь досрочно, и ГОСТам, и СНИПам! Я работаю, строю завод, а вы мне только мешаете...

– Поймите, что вы не просто руководитель строительной организации – вы номенклатура партии!

– А вот этого я понять как раз не могу! – возражал Заренков. – Что это за слово такое, «номенклатура»? Что это за профессия? Где ей обучают?

Он не сдерживал себя в рамках чиновничества и умеренного подобострастия – в том стиле, который давно принят для общения с партийной верхушкой, когда тебя вызвали «на ковер».

– Что вы себе позволяете? Почему вы так со мной разговариваете? – возмутился второй секретарь райкома.

– А вы себе – что?

Собрали заседание партийного бюро и вклеили Заренкову выговор с занесением в личную учетную карточку. Взыскание по тем временам серьезное.

Гараж

Личного автомобиля у Заренкова еще не было. Но ведь гараж для мужчины – это не просто стоянка для транспорта! Это неприкосновенная территория, зона свободы, запорожская сечь, где можно собраться с друзьями...

Однажды, проходя мимо гаражных массивов, Вячеслав обратил внимание на скромное объявление: «Приглашаем вступить в ГСК». Он тут же пошел по адресу.

– Приглашаете? А что для этого нужно?

– Элементарно! Неси литр водки, пиши заявление, мы ставим печать, и начинай строиться.

Литр водки – не великая мзда.

И скоро он построил гараж из металла.

Снова вызывает, будь он неладен, зампрокурора Приемыхов. Наружное наблюдение за ним установлено что ли?

– Представьте, пожалуйста, объяснение, каким путем вы получили земельный участок для строительства гаража в ГСК № 1214.

Вячеслав Адамович написал объяснение в вольном стиле: шел, мол, одним прекрасным днем по городу, пребывая в хорошем расположении духа, увидел объявление, написал заявление, и дали участок.

– Что вы тут надо мной издеваетесь? Что значит «дали участок»? Люди бьются годами, а ему просто дали! – негодовал Приемыхов. – Я предполагаю, что здесь мы можем иметь дело с подкупом должностных лиц. Статью о даче взятки никто не отменял. Будем работать по этому направлению. А также попрошу вас представить документы на строительные материалы, из которых вы возвели себе личный гараж, – строение, как я подозреваю, незаконное и построенное со злоупотреблением служебным положением.

Заренков привез квитанции, чеки и накладные на листы железа, уголок, металлический профиль, на цемент, доски и даже на электроды, которые использовал при сварочных работах на своем гараже.

– А квартира? – не унимался зампрокурора. – Насколько мне известно, дом, в котором вы получили квартиру, сдавался с линолеумными полами, а в вашей квартире полы паркетные. Как вы можете это объяснить?

– Откуда я знаю? – простодушно ответил Заренков. – Такая досталась. Захожу, а там паркет на полу. Вот, думаю, как хорошо. Что же мне, по-вашему, менять паркет на линолеум?

– Я вам гарантирую бетонные полы тюремной камеры! – вскипел Приемыхов. – Бетонные полы, стены «под шубу», деревянные нары и очень нехороших соседей по камере!

– Послушай, – придвигаясь поближе, с металлом в голосе, с чапаевской злостью к врагу произнес Заренков. В тот момент ему не хватало шашки в руках. – Ну, вот какого хрена ты пристал? Карьеру на мне хочешь сделать? Так вот, знай – зубы сломаешь! С сопроматом у меня в институте было все в порядке, я знаю, как с такими, как ты воевать. Будешь приставать – вылетишь с работы!

Он говорил с заместителем прокурора жестко, на «ты». Ведь они были ровесники. И к тому же беседовали наедине, без свидетелей.

– Я тебя посажу!

– Да пошел ты...

На том и разошлись.

Публикация

Близилось 9 мая 1986 года, День Победы. Начальник строительного управления № 336 треста 72 Заренков распорядился к концу рабочего дня накрыть стол и пригласить ветеранов. В организации их было всего восемь.

Собрались. Вячеслав Адамович произнес речь, вручил подарки. Подняли по рюмке и выпили. За победу! Закусили и еще по одной. За тех, кто пал на войне!

И тут в приемную врываются чужаки. Два инструктора из райкома партии, два сотрудника прокуратуры и двое из отдела милиции. Рассредоточиваются и занимают позицию для наступления. Следом входит Приемыхов. Оглядывает собрание и тоном человека, зачитывающего приговор, делает заявление.

– Вы нарушаете закон Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о борьбе с алкоголизмом! Ваше нарушение имеет отягчающее обстоятельство – вы распиваете спиртные напитки на рабочем месте.

Ветераны опешили. Да, такой закон действительно был. Он вступил в силу в 1985 году. Но люди прошли войну и били врага, а вот этот скользкий тип с неприятной холеной внешностью пытается сейчас их унижить. Как с этим быть?

Вячеслав Адамович встал, схватил Приемыхова за грудки и вышвырнул из кабинета, запуская реакцию ускорения пинком крепкой ноги по некрепкому месту: «Вон отсюда!»

И тут же закрыл дверь изнутри.

В дверь начали тарабанить: «Именем закона, откройте!»

На «бобике» прикатил наряд милиции.

– Что у вас тут случилось?

– Да вот, какой-то пьяный ломится в дверь! – объяснил начальник стройуправления, указывая на зампрокурора.

– Шутник! – верещал тот. – Ты у меня дошутишься скоро!

Три патрульных машины (в одну все не поместились) забрали Заренкова вместе с ветеранами и повезли в вырезвитель.

Начальником вырезвителя оказалась женщина.

Она оглядела компанию сочувственным взглядом и повернулась к Приемыхову, который держал под контролем «ход дела».

– Ну, и что ты привез их ко мне, идиот? – она была в офицерском звании и могла позволить себе такое неуставное обращение. – Ну, ты хотя бы в честь праздника, Дня победы, постеснялся. Как я буду определять степень их опьянения? Приборов у меня таких нет.

Приемыхов схватил со стола лист бумаги, свернул его в трубочку: «Пусть в нее дуют!»

– Ты это засунь себе, сам знаешь куда, – уже недобро стали реагировать старики с колодками медалей на пиджаках.

В итоге всех отпустили по домам. Концерт по заявкам окончен.

Но на следующий день на столе Заренкова лежал свежий номер газеты «Ленинградская правда». Статья называлась «Их было восемь» и написана она была в едком обличительном стиле. Фельетон – жанр, который умер вместе с советской журналистикой и не дожил до сегодняшних дней, в те времена был грозным оружием. Используя запрещенные лексические приемы, он любого героя публикации изничтожал, превращая в жалкого и не заслуживающего уважения человека. Таков был фельетон сам по себе. А написанный по заказу, – что в данном случае очевидно, – он был заправлен двойной порцией ехидства и несправедливости.

На публикацию в областной газете положено реагировать. Статья всегда являлась курком, а нажать его и сделать выстрел должны были «ответственные на местах».

Ответственным в данном случае был управляющий треста, Николай Федорович Саранский, коммунист до мозга костей. Человек, принимавший волю партии, как высшую волю. Когда звонили из райкома или, тем паче, обкома, Саранский, поживший и повидавший многое, снимал трубку и вытягивался по стойке смирно.

Райком приказал наказать Заренкова и отчитаться о принятых мерах.

Меры приняты

Все, что мог сделать Николай Федорович, чтобы вывести своего начальника управления из-под удара, – это провести рокировку, спрятать его за другими фигурами.

– Переведем тебя на должность технолога треста, а там они успокоятся, и мы все вернем обратно.

Вячеслав Адамович месяца три был главным технологом. Но Приемыхов никак не унимался, он жаловался в главк, писал «разоблачительные» письма и «сверху» потребовали более серьезного наказания.

Саранский понизил Заренкова до прораба. Если бы Вячеслав Адамович тогда взбунтовался и написал заявление, его бы уволили. Но не по собственному желанию, а по статье КЗОТ. Такая отметка в трудовой книжке крайне нежелательна. Это черная метка, клеймо плохого сотрудника.

Заренков очень болезненно переживал эту ситуацию. И она не прошла для него даром. Во время очередного совещания он почувствовал острую боль в груди. Нет, он даже толком ее не почувствовал, просто горячее, раскаленное жало вонзилось в сердце и остановило его. «Какая сильная боль!» – пронеслось в голове еще до того, как Вячеслав Адамович упал без сознания.

Его увозили на «скорой». Неделю пролежал в больнице. А потом врачи сказали, что нужен покой.

– Категорически необходим отдых, примерно полгода никакой работы, никаких нервов.

– Да вы что? С ума сошли? Я здоровый человек! Выписывайте меня!

Еще через неделю все повторилось. Снова жало – так прижало, казалось, что сильнее нельзя – ан можно!

– Вам больше работать нельзя, – говорили врачи. – Оформляйте инвалидность и живите спокойно, государство будет платить пенсию.

Заренков инвалидом быть не хотел. Но к рекомендациям докторов прислушался. Он понял, что первый звонок для него уже прозвенел, дело серьезное.

«Надо просто хорошо отдохнуть!»

Мысли вслух

Но как это делается? Он давно забыл, что такое отдых. Раньше Вячеслав Адамович охотился, еще в Ходулах. Потом, уже в Ленинграде, взял по старой привычке ружье и где-то под Воложкой подстрелил первого зайца. Заяц взлетел, покатился, да как заплачет человеческим голосом. Хоть верьте, хоть нет, это был голос ребенка. И все, бросил даже думать про охоту, отрезало. Оно, может, и объяснимо: в детстве-юности он охотился как добытчик, для пропитания. А тут ради забавы, а это неправильно.

Поэтому купил Заренков себе снасти и стал рыбаком. Добросовестно следуя рекомендациям врачей, километров по десять нахаживал каждый день. И так четыре месяца, один на один со своими мыслями.

Что это были за мысли? Да разве в голову человеку залезешь? Но, скорее всего, именно те, что позже появились у него в книге под заголовком «Мысли вслух». То, что понято, выстрадано за эти годы.

«Если появилась какая-либо проблема, надо ее решать продуктивно с участием всех заинтересованных лиц, привлекая людей, создавших проблему, – размышлял Заренков. – Ни в коем случае нельзя гнобить их и обвинять во всех грехах. Нельзя унижать ничье человеческое достоинство!»

Или вот еще: «Если человек что-то сделал не так или не то, что вам нравится, критикуйте это что-то, но не унижайте того, кто это сделал, его личность».

«Старайтесь увидеть в людях лучшее и отметить его. Стройте отношения со своим собеседником исходя из того, что он такой же, как вы. Доверяйте людям».

«Если вы в течение дня говорите о людях много плохого, значит, вы плохой человек. И наоборот. Надо принимать людей такими, какие они есть».

Интересно, что все эти мысли из «области слова». Они так или иначе вскрывают суть происходящего между людьми. Зло порождает зло. Добро побеждает все. Слово – ключ к человеческим отношениям, и оно – всесильно.

Не о стройке он думал, а о том, что происходит между людьми на строительной площадке. Какие слова говорил он? Какие слышал в ответ?

Эта тема была близка ему еще с детства. Бабушка Аксинья расстилала перед собой и перед близкими разноцветный душистый ковер, потому что слова ее были словами молитвы. А вот школьный товарищ, которого бросил отец, в запале проклял и отца, и всю его большую семью. Прошло время, проклятье мальчишки созрело и стало катализатором трагедии: отец и три его сына и даже жена – все умерли один за другим. Заренков стал невольным свидетелем этой истории.

Или вот в деревне у них у одного старика ветеринар стащил несколько пузырьков мужского одеколona – уж так ему не терпелось выпить. Старик прознал о том и бросил в сердцах: «Да что б тебе лошадь дала копытом по лбу!»

И лошадь, правда, дала. Да так, что ветеринар копыта отбросил.

Сила слова безгранична. Вот и Приемыхов много плохих слов в адрес Заренкова отправил. И пробил его сердце. Но это не повод для ответных слов зла. Может, спасибо сказать ему? За то, что дал возможность остановиться и оглянуться. Подумать о жизни и о своих словах. Не слишком ли строг он, Заренков? Не слишком ли суров к людям «диктатор»?

День за днем он думал и думал, нахаживая свои километры. Так прошло четыре месяца. Вышел срок, по истечении которого он мог уволиться из треста 72 «по собственному желанию».

Заренков написал заявление, Саранский его подписал.

Простой безработный

Вячеслав Адамович, несправедливо пониженный в должности с начальника управления до прораба, весной 1987 года снова ушел в никуда, стал простым безработным.

Что за странное чувство? Он стал ощущать, как пространство вокруг него разряжается. Обычно тугая и плотная атмосфера активного дела, в которой он пребывал, куда он был вкручен органично, плотью и кровью, – она исчезла. Заренков оказался в безвоздушном пространстве, в открытом космосе.

До некоторых из прежних товарищей он не мог уже дозвониться. Никому не нужен, не интересен. Непривычное ощущение, неприятное.

Дошло до того, что безработный строитель начал читать газеты, искать варианты с трудоустройством. Пришел на собеседование в одну маленькую компанию. Рассказал, что работал раньше начальником управления крупного треста, а они ему... говорят, что готовы взять мастером.

Он считал себя профессионалом высокого класса с огромным опытом работы, со знанием строительного дела «от и до» – а не нужен!

И никого рядом нет.

И жена как-то странно посматривает.

– Слава, ты уже второй месяц без работы сидишь! Хватит уже отдыхать, работать иди!

Но куда?

Сто лет назад

Все повторяется в этом мире, все изливается из одного Источника.

И когда-то, лет сто с гаком назад, не в Ленинград, а в Москву тоже прибыл семнадцатилетний молодой человек. Звали его Петр Губонин. Не было у него ни Болотовичей, ни Лисунов, ни Зубревичей – десяти лет обучения. А было всего три класса приходской школы, на большее он рассчитывать не имел права.

Петр родился в 1828 году в крепостной крестьянской семье. Деревня Борисово Коломенского уезда Московской губернии. Отец его, Иона, был камнерезом, и он камнерез. Работа тяжелая, сила немереная. Петр мог руками подкову согнуть. Потому был принят сразу десятником (считай, бригадиром) к купцу Русанову. Губонин тесал камень, и сам характером каменил. Правда, и зарабатывал хорошо. Так что смог прикупить собственную каменоломню. Тогда он наладил производство жерновов и ступеней, поставлял камень для постройки мостов Московско-Курской дороги. А для Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге молодой промышленник поставил партию гранита, которым облицевали цоколь.

Как только в 1858 году собор во имя преподобного Исаакия Далматского был освящен, тридцатилетний Губонин выкупился из крепостной зависимости у помещика Бибикова и записался в третью гильдию московского купечества.

В своем деле он стал профессионалом высокого класса, имел большой опыт работы. Но время от времени и Губонин вставал у распутья: куда направить себя?

– Куда же теперь?

Часть вторая

Взлет

1987–2000 гг

Вячеслав Заренков создает с нуля компанию № 9104, известную как «ЛенСпецСМУ». Через несколько лет она становится кооперативом, затем акционерным обществом. В условиях неразберихи начала девяностых годов, при полном отсутствии государственного финансирования, молодое предприятие начинает жилищное строительство в Санкт-Петербурге, привлекая деньги от населения с помощью фирменной разработки своего генерального директора – договора долевого участия (ДДУ). Компания наращивает темпы строительства и получает восторженные отзывы прессы, а сам Заренков отбивается от бандитских наездов и пытается спасти федерацию академической гребли от разграбления.

Надо встретиться

– Аллю, Слава? Надо срочно встретиться, есть разговор...

Валерий Алексеев, знакомый прораб, рассказал, что генеральный директор крупнейшего в СССР объединения «Светлана», дважды Герой труда, Олег Васильевич Филатов поручил своему заму Михаилу Николаеву разыскать опального начальника СУ № 336.

– Понимаешь, они тебя ищут, – тараторил Валера. – А тебе же работа нужна? Ну, сходи к этому Николаеву...

«Эх, Валера! Как бы нам с тобой снова не слететь в пропасть...»

Вячеслав Заренков, не имея денег, но имея друзей, занял в долг и купил «Жигули». С Алексеевым они были соседи по даче. И однажды сорвались куда-то в сторону Выборга, то ли по делам, то ли просто. Ехали быстро, взлетели на мост, а мост, как оказалось, был символом перестроечного безвременья. Он, недостроенный, обрывался на середине пути. И никаких знаков, никаких ограждений.

Они летели в пропасть, Вячеслав мертвой хваткой держался за руль. И странно – злился на машину, которая его не слушалась. Полет длился секунду, но в эту растянутую резиной секунду, он, как в фильме, увидел всю свою жизнь по кадрам. От первого маминог шлепка по попе до сего дня. «Нормальная жизнь», – успелось подуматься. А потом был удар о мощные головастые валуны. По счастью, их выбросило из машины. «Жигули» всмятку, а они – так, вкрутую. Вячеслав повредил себе спину, Валерий сломал, кажется, руку.

С тех пор Заренков зарекся брать в долг. Рассчитывать надо на себя, а жить – на свои.

А на «Светлану» идти все-таки надо.

В своей стихии

– Вячеслав Адамович, – многообещающе и веско начал замдиректора «Светланы» Михаил Матвеевич, когда они встретились. – Мы уже третий год не можем организовать строительную компанию. Соответствующий приказ от министерства электронной промышленности у нас есть, фронт работ есть, а компании нет. Потому что нет человека, который возьмется и сделает. Ты готов?

– Я готов.

– Тогда приступай.

Сначала они поехали вместе в Москву, в министерство электронной промышленности, которое структурно входило в министерство оборонной промышленности. Соответственно, здесь был отработан особый подход к подбору сотрудников на ключевые посты. Заренкову пришлось пройти целую череду собеседований.

– Теперь нам нужно еще полгода, чтобы проверить вас и вашу семью по линии КГБ...

– Значит, еще полгода мы не сдвинемся с места? – возмутился Николаев. – Может, мы Заренкова примем, а потом если что, то уволим? Если у него, например, найдутся родственники, работающие в Пентагоне.

– Ну хорошо, мы пойдем вам навстречу. Утверждаем кандидатуру, а в случае чего уволим задним числом.

– Михаил Матвеевич, а откуда вы меня уволите? – поинтересовался все еще безработный Вячеслав Адамович.

– Как откуда? Ты ведь создашь нам компанию! Вот из нее и уволим, если будет приказ из Москвы.

– Интересное дело. Ну да ладно, скажите, с чего начинать?

– Нет, это ты нам скажи, – поправил Николаев.

– Что у нас главное? Бумага с печатью, – улыбнулся Заренков. – Предлагаю подготовить документ о создании строительной компании и о том, что я назначаюсь в ней исполняющим обязанности директора. Чем не начало?

Приказ был подписан 27 июня 1987 года. Так появилась компания № 9104. Все предприятия, входившие в систему министерства оборонной промышленности, были безымянными, номерными, для соблюдения режима секретности.

Сели за стол на заводе «Светлана». Выпили по рюмочке. Пожелали успехов, поздравили с началом нового профессионального этапа...

– Отлично! Теперь я руководитель компании, судя по всему, солидной, – шутил Заренков. – Но мне даже не на чем ездить.

– Это не проблема!

Ему предоставили служебный автомобиль «Москвич». Модель, которую в народе окрестили снисходительно и насмешливо, – «пирожок». Прямо скажем, далеко не представительский класс.

В радиотехническом техникуме под офис строительной компании 9104 выделили помещение четыре на пять. Двадцать метров квадратных. Дали стол, пару стульев и телефон.

Заренков сам напечатал на машинке приказ о назначении прораба Валерия Алексева на должность главного инженера, парень он пробивной, должен справиться. Подобрали бухгалтера. Объем работ предстоял большой. Во-первых, надо браться за реконструкцию цехов. Во-вторых, у «Светланы» имелись свои филиалы, разбросанные по всей России, от Анапы до Череповца. В каждом филиале, по-хорошему, надо бы организовать подразделения, чтобы начать строительство ведомственного жилья, пансионатов, детских садов и домов культуры – да много чего надо строить!

Заренков энергично приступил к новой работе. Его наполняла радость от того, что он снова в строю, снова активен. Начались поездки по всей стране, деловые командировки, ответственные встречи и обсуждения, новые объекты и организация подразделений в Анапе, Петрозаводске, Бабаево, Устюжино, – он погрузился в дела с головой, оказавшись в своей стихии.

Соломинка, держи

Но перестройка, о которой в середине восьмидесятых объявил Михаил Горбачев как о новом курсе правительства, вела к необратимым последствиям. Отлаженный механизм плановой экономики начинал сбоить. Старые схемы выходили из строя, новые не приживались. Финансовая неразбериха усугублялась национальным вопросом, и к началу 1989 года деньги стали исчезать из оборота. На практике это выглядело просто: строительная компания Заренкова выполняет работы, но деньги от заказчика не получает. А ведь люди зарплату ждут!

Хулиганисто, пьяно, как мужик в автобусной давке, грязно лапая, матерясь и дыша в лицо перегаром, наваливались девяностые годы.

Заводы стали закрываться один за другим. Люди, выброшенные на улицу, шарахались, не находя себе применения. Инженеры, экономисты, конструкторы – все, кто вчера считал себя солью этой земли, – теперь никому не нужны.

«Нет, ребята, мы так не выживем, – крутилось в голове у Вячеслава Адамовича. – Что делать?»

Вовремя появился хит Аллы Пугачевой, из каждого угла тогда доносилось ее пронзительное: «Держи меня, соломинка, держи! Когда вокруг шторма в двенадцать баллов...»

Где бы Соломке – разве забудешь школьное прозвище?! – ухватиться за эту соломинку? Не видно ее.

Была компания № 9104, был коллектив, уже солидный по численности, около двухсот пятидесяти человек. Была техника – краны, бетономешалки, грузовики и станки. В процессе работы все это приобреталось по мере необходимости. И даже заказы от подведомственных предприятий пока еще поступали.

Но не было денег.

Общая задолженность перед компанией, которой руководил Заренков, составляла очень солидную сумму. Надо было срочно что-то предпринимать, чтобы выжить.

Чтобы выжить

В стране началось кооперативное движение, запустился механизм приватизации государственных предприятий. Но министерство электронной промышленности, к которому относился Заренков со своим подразделением, входило в структуру министерства оборонной промышленности. И создание кооперативов, выделение в самостоятельное предприятие или приватизация здесь были запрещены.

Как это часто у нас бывает: не можешь дать – забери!

Москва не придумала ничего лучше, чем прибрать к рукам технику, приобретенную Заренковым в период работы, а компанию расформировать и закрыть, не выплатив людям даже выходного пособия.

Для этого у главка были формальные основания, ведь средства производства находились на балансе столичного объединения. По закону да и по бумагам молодое предприятие ничего своего не имело.

В ответ Вячеслав Адамович предложил: «Я выкупаю у главка имущество, которое мы и так заработали сами. Официально выкупаю и отделяюсь». Не дожидаясь ответа, он перечислил полную балансовую стоимость транспорта и оборудования, имеющихся у него в арсенале. Деньги ушли на счет, и только потом министерство отреагировало: «Не имеете права!»

Его вызвали в Москву «на ковер» и предупредили, что снимут с работы за самодеятельность.

– Ждите наших распоряжений!

– Но пока я буду их ждать, мой коллектив из 250 человек – эти люди, что они будут есть? Мы сидим без работы и без зарплаты! Что нам делать?

– Ну, вы там держитесь...

Как держаться? Заренков чувствовал свою ответственность за сотрудников. Поэтому, вернувшись из столицы, решил поступить по-своему. Он собрал коллектив и предложил создать производственное кооперативное предприятие.

Кто-то сразу ушел, кто-то позже. Люди боялись, что не получится. Но у Вячеслава Адамовича выбора не было – он должен был идти вперед. И, кстати, костяк, ядро предприятия, сохранил.

Красивое имя

Действия по регистрации кооператива заняли достаточно времени: разработка устава предприятия, хождение по кабинетам за каждой подписью – тогда все это было непросто. Даже на то, чтобы сохранить, отстоять в этих кабинетах свое прежнее название, – «ЛенСпецСМУ» – потребовалось немало нервов.

– Зачем оно вам? Назовитесь «Надежда», «Мария»... Ну, или как, например, вашу жену зовут? Сейчас это модно, называть кооперативы по именам. Может, придумаете что-то звучное, яркое – Антарес, Спаркс, Альтаир... Это ваше «ЛенСпецСМУ» – эхо из советского прошлого. Нет больше Ленинграда, есть Санкт-Петербург, – спасибо мэру Собчаку, что вернул городу историческое название!

– Я все уже придумал! Лена, мне нравится это женское имя. Поэтому «ЛенСпецСМУ».

– Ну, Лена так Лена...

Лоб в лоб

Через несколько дней после регистрации ПКП «ЛенСпецСМУ» Заренков получил приказ из Москвы о своем увольнении. Приказом его снимали с должности, которой уже не было. Ведь на общем собрании коллектива он был избран директором одноименного кооператива. Это разозлило начальников в больших столичных кабинетах. К строптивому выскочке была направлена «спецгруппа» для решения конфликта. Перед ней стояла задача – забрать у Заренкова всю технику и оборудование.

Он подготовился к бою. Укрепил тылы сотрудниками охранного предприятия. И когда решительно настроенные гости вошли в кабинет начинающего кооператора, их напор остудили.

– Присаживайтесь, господа. Давайте без эмоций. Просто поговорим, – на правах хозяина начал Вячеслав Адамович. – Вот документы, из которых следует, что вся имеющаяся у нас техника и оборудование, приобретенные в период работы предприятия, были мной куплены дважды. В первый раз в процессе работы. Во второй – недавно, по балансовой стоимости. Вот выписки банка, пожалуйста, ознакомьтесь.

«Спецгруппа» приехала не для того, чтобы знакомиться с документами. Перед этими крепкими мужчинами стояла другая задача – проучить и забрать. Но тяжелая артиллерия на стороне Заренкова тоже подготовилась к бою.

– У меня предложение, – с обезоруживающим спокойствием сказал Вячеслав Адамович. – Давайте мы, как мужчины, выпьем, закусим, по-человечески поговорим и проводим вас на вокзал, чтобы вы могли вернуться к вашим семьям, которые вас любят и ждут. Как там, в столице, погода? Что нового? Чего ждать от властей? – И он достал из сейфа пару бутылок коньяка, а из соседней комнаты принесли бутерброды. – Утощайтесь, чем богаты, как говорится...

Пожалуй, гости кое-что поняли. Выдохнули, успокоились и не стали загребать жар своими руками, как того хотели от них чиновники из Москвы. Выпили, закусили, пообщались и разошлись друзьями.

Время, вперед!

Как уже было сказано, после разборок с Москвой часть людей из «ЛенСпецСМУ» сразу уволилась. Даже само это слово, «кооператив», – не внушало доверия. Некоторые возвращались обратно. Приходили новые люди. Их надо было учить, организовывать, вдохновлять и вести за собой. И самому Заренкову приходилось учиться работать в сложнейших экономических условиях. А главное – верить, что все получится. Эта вера требовала больших сил души, мощных лидерских качеств, напора и воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.